

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

Бог
пятичного
вечера

Мы отвергаем кумиров,
когда они нас подводят.

Джентльмен нашего времени.
Романы Чарльза Мартина

Сергей Самуйлов
Бог пятничного вечера

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Самуйлов С. Н.

Бог пятничного вечера / С. Н. Самуйлов — «Эксмо»,
2014 — (Джентльмен нашего времени. Романы Чарльза
Мартина)

ISBN 978-5-699-94533-7

Мэтью Райзин провел двенадцать лет в заключении из-за несправедливого приговора. Бывший спортсмен и кумир молодежи, теперь даже в родном городе он сталкивается лишь с презрением и страхом граждан. Не желая мириться с ролью изгоя, Мэтью решает восстановить свое доброе имя. Он находит неожиданную поддержку в лице парнишки по имени Далтон. Виртуозно восстанавливая события из спортивного прошлого Мэтью, Далтон приходит к неожиданным выводам. Но как донести правду до окружающих? И поможет ли это Мэтью вернуть Одри, единственную женщину, которую он когда-либо любил?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-94533-7

© Самуйлов С. Н., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чарльз Мартин

Бог пятничного вечера

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Он сидел на полу с полотенцем на шее, весь потный, и не сводил глаз с экрана. Футбольный мяч в одной руке, половинка банана в другой, бутылка «Гаторейда»¹ на коленях. Она сидела рядом: джинсы, старенькая толстовка, ноги скрещены. В одной руке пульт, в другой – лазерная указка, а на носу очки для чтения. Волосы когда-то глубокого, насыщенного цвета красного дерева напоминали серый, грязный снег. Само по себе явление естественное, разве что случилось не в свою пору – жизнь подтолкнула генетику. Строго говоря, в свои тридцать с небольшим она могла бы быть его матерью, но последние лет десять дались женщине нелегко. И дело было не столько в морщинках, сколько в тенях за ними. Он – восходящая звезда школьной команды, семнадцатилетний мальчишка с огромным талантом и тайными мечтами. Шесть футов три дюйма – почти на пять дюймов выше ее – и весом под двести фунтов, ни капли жира; от подростка в нем осталось не так уж много. Это можно было увидеть невооруженным взглядом. Она подняла бровь и медленно, вполголоса произнесла:

– Далтон Роджерс.

Иногда она называла его «Ди». В присутствии посторонних он уважительно называл ее «сестрой Линн», а когда они были одни – «Мамой».

Имевшая некоторый опыт наблюдения за такими талантами, она могла реально оценить его перспективы и сдерживать ожидания, стараясь в то же время не подрезать крылья мечтам. Поддерживать столь хрупкий баланс – дело нелегкое. Игра на экране шла в замедленном режиме, по кадрам. В середине поля стоял центральный под номером 8. Известный в свое время игрок, он был тем стандартом, по которому мерили всех остальных, поэтому они и смотрели запись. Ди хотел учиться у лучших, а сильнее этой восьмерки, пожалуй, и не было.

Женщина нажала на «паузу» и подсветила экран зеленым лазером, наведя кружок на ноги футболиста.

– Там все и начинается. – Она легонько постучала его по голове пультом. – Ноги. Ноги. Ноги. Они – первое звено в кинетической цепочке. Когда игрок делает бросок, то, что выходит из рук, начинается с ног.

– Рука в миллион долларов, нога – в два миллиона, – процитировал Ди фразу из издания «Спортс иллюстрейтед», анализирующего игру восьмого номера в этом матче.

Женщина снова постучала по его голове.

– Само собой ничто не приходит. Запомни... – Она усмехнулась. – Футбол – это шахматы в формате 3D в придачу с небольшой нагрузкой на сердечную мышцу. Не говоря...

– Не говоря уже о шайке мародеров. – Он отмахнулся от Мамы, как от назойливо жужжащего над ухом комара, и откусил банан. – Тысячу раз слышал.

Она улыбнулась и перевела зеленую точку на шлем.

– Куда он смотрит? Покажи его глаза. – Они смотрели игру пятнадцатилетней давности, но женщина говорила в настоящем времени.

Ди проследил за направлением взгляда – до левого корнербека² – противника, стоявшего в трех ярдах от принимающего – способного паренька по имени Родерик. Друзья и поклонники называли его не иначе как Родди.

¹ Gatorade – общее название серии напитков, производимых компанией PepsiCo. Разработан в 1965 году группой исследователей Флоридского университета по заказу университетской футбольной команды с целью восстановления жидкостей, теряемых организмом во время тренировок. – *Прим. ред.*

² Корнербек (англ. *Quarterback*) – позиция игрока команды нападения в американском и канадском футболе. – *Прим. ред.*

Ди протянул руку с огрызком банана. Мама заставляла его съесть по одному банану в день; содержащиеся в нем калий и магний помогали снять мышечные спазмы в икрах.

– Парень в трех ярдах от Родди. Прикрывающий. Играет из инсайда, то есть отжимает Родди к боковой, чтобы Ракете пришлось бросать на внешнее плечо, – пробубнил Ди. Игра шла на равных, и команду соперников нисколько не смущали ни прилепившаяся к «Святым» репутация непобедимых, ни звездный статус их квотербека.

Мама нажала «плей», и запись пошла дальше в замедленном режиме. Квотербек начал отсчет, посмотрел вправо, сделал паузу. Заметив движение лайнбекера³ и сейфти⁴, он остановил отсчет, указал на обоих и, пройдя вдоль линии нападения, объявил смену комбинации. Шум стоял невообразимый, и квотербек сделал знак принимающим и одинокому тейлбеку⁵. Игроки кивнули и растянулись шире. Весь маневр занял меньше четырех секунд.

Ди смотрел на экран во все глаза, делая мысленные заметки. Он мог смотреть футбол часами и даже всю ночь напролет, если бы позволила Мама. Ее видеотека насчитывала более сотни записей. Большая часть школьных матчей сохранялась на катушках. Что-то оставалось на видеокассетах. Некоторые передачи спортивных каналов и почти все чемпионаты лежали на жестком диске. Для того чтобы дать Ди доступ к этому богатству, избавить его от необходимости постоянно переключаться между тремя разными технологиями, женщина конвертировала все в электронные файлы и перенесла их на лэптоп «Мак», откуда они через кабель проектировались на огромный телевизор. Ей не нужно было смотреть на экран, чтобы знать, как развивается игра, – она была там и до сих пор слышала рев трибун и эхо, слышала, как звякают монетки в молочном кувшине, вдыхала запах срезанной травы. Эту игру и многие другие она видела почти каждый раз, когда закрывала глаза.

Перешагнув несколько кадров, Мама навела зеленую точку на защитный шлем.

– Глаза. Покажи мне, где они сейчас.

Мяч на экране как будто съезжился, когда Ди вытянул руку.

– Здесь. Судья на линии защиты.

– Почему?

– Он ведет отсчет игрового времени.

Женщина обвела судью кружком зеленого света.

– Внимательно смотри, что будет, когда его руки пойдут вверх. – Луч метнулся через экран и остановился на квотербеке. – Что игрок делает?

– Становится под центрального – начинает новый отсчет. А сейчас торопится, потому что знает, что у него осталось секунды три.

Она улыбнулась – чему-то все же научила. Зеленый свет, как гало, окружил «восьмерку» на экране.

– Представь, что творится сейчас у него в голове. Да, физически игрок хорош, но от других его отличает то, чего ты не видишь. – Женщина взяла в круг весь экран. – Это шахматная партия. Он просто передвигает фигуры по доске.

Ди кивнул, не сводя глаз с экрана. Ракета собирался выявить слабость в обороне и в очередной раз выиграть чемпионат штата.

Она нажала «плей» и шепнула:

– Шах и мат.

³ Лайнбекеры защиты занимают позицию в поле позади лайнменов и выполняют множество задач: от атаки квотербека до прикрытия ресиверов и остановки бегущих с мячом раннингбеков. – *Прим. ред.*

⁴ Сэйфти – игроки, размещающиеся позади остальных игроков защиты. – *Прим. ред.*

⁵ Тейлбек – игрок, находящийся позади всех игроков нападения, в задачу которого входит пронос мяча вперед.

Игра продолжалась. Центровой, напоминающий верного лабрадора, здоровенный весельчак по кличке Вуд, ввел мяч и встал, казалось бы, непроходимой стеной защиты. Квотербек, изобразив откидку раннингбеку⁶, встал в Б-гэп, тем самым поддержав Вуда и блокировав лайнбекера сильной стороны. Затем игрок сделал три быстрых и длинных шага назад от линии, давая принимающим время, чтобы открыться. Когда же защитные тэклы бросились к восьмерке, Ракета повернулся к принимающим. Опасный в покете, он был столь же дерзок в прорыве. Это знали все. В знак признания таланта и скорости «Спортс иллюстриейтед» окрестил его «Ракетой». Прозвище приклеилось к игроку, и в тот вечер десятки скаутов и тренеров подались вперед в предвкушении возможного рывка. Подхваченный единодушным порывом стадион поднялся и замер. Ракета бросил мяч... Но не туда, где был в данный момент принимающий, Родди, а туда, где Родди будет, когда туда попадет мяч.

Женщина выключила видео и включила свет. Ди принялся собирать книги. Раньше его раздражало, что она никогда не досматривает концовку. Но потом понял – воспоминания еще живы, и если их ворошить, боль бывает невыносимой. Пара вышла в крытый переход, ведущий к школе, его общежитию и ее коттеджу, отделенному высокой кирпичной стеной – ее щитом от внешнего мира. Мама взяла его под руку.

– Расчеты закончил?

Он улыбнулся и кивнул:

– Да, мэм.

– Физику?

– Тест завтра. Второй.

Она вскинула бровь, спрашивая, подготовился ли он.

Ди пожал плечами.

– Немного.

Женщина взглянула на часы. Было уже начало одиннадцатого.

– Еще не очень поздно. – Она ткнула в него пальцем. – И никакого «Спортс-центра».

Нельзя смотреть ерунду и одновременно готовиться к тесту.

Молодой человек улыбнулся и показал пальцем за спину, в комнату.

– У него получалось.

Она кивнула – парень был прав.

– И чем это для него закончилось?

Ди хмыкнул, но не ответил. Иногда лучше промолчать. Зажило еще не все. Пауза. Он хотел утешить ее, но не знал как.

– Теперь это во всех новостях – он выходит завтра.

Женщина кивнула и посмотрела в сад.

– Планы есть? – не отставал Ди.

Она покачала головой.

– Он знает, что вы здесь?

Тот же жест.

– Думаете, будет искать вас?

– Не знаю. – Она скрестила руки на груди. – Я не знаю, что он будет делать.

Ди чувствовал, что ей тяжело, но не знал, как помочь. Эту тяжесть Мама предпочитала нести одна, без посторонней помощи. Молодой человек согнул ноги в коленях и заглянул ей в глаза.

– Вам что-нибудь нужно?

⁶ Раннингбеки – игроки, находящиеся перед розыгрышем за линией схватки; их задачей чаще всего является получение мяча из рук квотербека и «вынос» – проход с мячом как можно большего количества ярдов по направлению к зачетной зоне соперника. – *Прим. ред.*

Она чмокнула его в щеку.

– Поспи и подготовься к тесту по физике.

Он забросил на плечо рюкзак.

– Знаете, я ведь и в самом деле пятерку получил.

Она подняла палец.

– Пятерку с минусом.

– Класс-то продвинутый, – прошептал он.

Женщина улыбнулась.

– Спокойной ночи.

Она возвращалась петляющими дорожками, под фонарями и обступавшими частные колледжи могучими дубами, и тень женщины появлялась то впереди, то сзади. Дома она заперла дверь и легла, свернувшись, на кровать. Прошло немного времени, и женщина поймала себя на том, что поглаживает висящую на цепочке подвеску, маленькую голубку. Ей всегда хотелось работать с детьми. Но не так.

Через два часа она вытряхнула на ладонь три таблетки и, проглотив их, запила водой. Потом приняла душ. Таблетки уже действовали, и веки потяжелели. Женщина включила телевизор, щелкнула пультом, устроилась поудобнее, подтянув колени к груди, и начала засыпать под рев зрителей, скандирующих «Ракета! Ракета! Ракета!». На экране застыл последний, известный всей стране кадр – мальчишка на трибуне с недельным выпуском «Спортс иллюстрейтед». То был первый случай, когда школьник-квотербек удостоился чести попасть на обложку журнала, даже в особенном ракурсе – фотограф сделал снимок, лежа на траве. Восьмой номер стоял на поле – воплощение обещания и возможности, в руках мяч, за спиной ворота, весь мир у ног. Заголовок гласил: БОГ ПЯТНИЧНОГО ВЕЧЕРА.

Она моргнула все же со слезами на глазах и соскользнула в сон, в то время, когда сбылись все мечты Мамы.

Глава 1

Тринадцать лет назад

Ассистентка прикрепила микрофон к лацкану моего костюма, прошлась щеточкой по плечам и похвалила одежду, еще день назад висевшую в магазине.

– «Молдоун» на Пятой?

В точку.

– Да.

Ассистентка пробежалась щеточкой по воротнику и повернулась к Одри.

– Симпатично.

Одри откликнулась на комплимент кивком. Ассистентка оглянулась через плечо и подала футбольную карточку «Топпс»⁷ с моей фотографией.

– Брат от меня откажется, если не попрошу.

– Как его зовут?

– Бен. – Она покраснела. – Смотрит записи с вашими играми. Носит футболку с вашим номером. На двери его комнаты плакат с вашей фотографией.

«Топпс» отпечатал специальную серию карточек со всеми парнями – кандидатами на вылет в первом раунде драфта⁸. Глянцевые карточки с толстым картоном, содержащие на одной стороне фотографию, а на другой – статистику выступлений за команды школы и колледжа.

– Через минуту выпускаем публику – в эти двери. Можете пообщаться, если хотите. Решайте сами. У людей инструкции строгие – эту линию не пересекать, но у вас полная свобода – поступайте как угодно. Вот те парни в черных футболках, – ассистентка кивнула в сторону, – помогут, если понадобится, поддержать порядок. Они пониже, но руки у них не слабее ваших. Джим будет... – женщина бросила взгляд на цифровые часы на стене, – через двадцать три минуты. В прямой эфир выходим через двадцать три с половиной минуты. Вопросы есть?

– Нет. Все в порядке. Спасибо.

Ассистентка вышла, а я посмотрел через плечо на Одри. Она вскинула бровь и указала пальцем на мой костюм.

– Говорила же.

Я сел на софу, отправил две эсэмэски, в третий раз выключил звонок и стал ждать, нервно постукивая правой ногой. Галстук жал, лицо горело, в костюме было неудобно. У дальней стены, за камерами, стоял стол с плюшками, бубликами, свежими фруктами и ягодами. Я подумал, что с удовольствием поел бы малины, но тогда придется отстегивать микрофон, возиться со шнуром, а еще зернышко может застрять между зубами. По спине стекал пот. Восемь лет выходил на поле стартовым квотербеком, а вот к медийной шумихе последних дней оказался не готов.

Одри держалась в сторонке, так, чтобы не попасть в камеру. Руки за спиной. Плечи расслабленно опущены. Вуд назвал ее «истинной силой, стоящей за тронem». Вуд был прав. В промежутке между школой и колледжем на долю Одри пришлось девяностo шесть матчей. Солнце. Дождь. Снег. Грозы. Перебои в электроснабжении. Отчисления. Сотрясения. Растяжения. Вывихи. Ее мало что могло отпугнуть. Именно отсюда и не самое лестное прозвище – Престон – как марка антифриза.

⁷ Компания Topps имеет лицензии на выпуск различных коллекций наклеек и карточек. – *Прим. ред.*

⁸ Драфт – это выбор профессиональными командами игроков, которые не относятся ни к одной команде лиги. – *Прим. ред.*

Продюсер выдал женщине комплект наушников, чтобы она могла слушать интервью. Я похлопал по софе около себя, потом показал на пустой стул Джима Нилза.

– Он возражать не будет.

Одри покачала головой.

– Даже не думай. Ты втянул меня во все это, и в ближайший месяц ни на что не рассчитывай.

Два дня назад Одри отвела меня в магазин мужской одежды «Молдоун» на Пятой, куда пускают далеко не всех. Три часа я позировал в разных вариантах цвета и текстуры и за это время проникся уважением к моделям и новым маркам. Я выходил из примерочной, поднимался на подиум, стоял в костюме, однотонном или в полосочку, а она рассматривала меня и так и этак и качала головой. Я чувствовал себя голым. Одри крутила пальцем, я поворачивался на месте, показывая себя в нужном ей ракурсе, и либо получал одобрителный кивок, либо удостаивался жеста, которым в парке отгоняют голубей. После пятой примерки я запротестовал.

– Меня вполне устраивает мой немнущийся костюм от «Сирза».

– Милый, что мне в тебе, помимо прочего, нравится, так это глубокая провинциальность – предмет твоей гордости. – Женщина повернулась к Молдоуну, стоявшему в сторонке с мерной лентой на шее и в очках на кончике носа. – Вы уж извините его, мистер Молдоун. Он давно играет в футбол и слишком часто получает по голове.

Я улыбнулся и повернулся к выходу, решив, что она наконец-то открыла глаза.

– Спасибо.

Очевидно, я ошибался.

– Но... – Одри подняла палец, заворачивая меня назад. – Сейчас-то мы в городе.

Я незаметно указал на ценник, зная, что Одри по натуре скряга и благоразумие берет у нее верх над всем прочим.

Одри поднялась и провела ладонью по лацкану моего пиджака.

– Знаю. С ума сойти, да? Но в этом городе полным-полно сумасшедших. Ты видел цифры в своем контракте?

– Да, но...

– Вот и успокойся.

– Все будут знать, что я только что это купил.

Одри погладила меня по щеке.

– В этом костюме у тебя глаза блестят.

Когда я открыл рот, чтобы возразить против очередной словесной комбинации, она ткнула в меня пальцем и вскинула брови. Пришлось примерить еще дюжину костюмов и примерно столько же пар обуви.

Из магазина мы вышли с тремя костюмами, шестью рубашками, пятью галстуками, двумя ремнями, двумя парами обуви и выпотрошенной картой «Виза». Провожал нас счастливый мистер Молдоун. Столько денег я потратил только раз в жизни, отдав их за одну штучку на ее левой руке.

Без двадцати минут десять двойные двери широко распахнулись, и публика устремилась внутрь, сражаясь за места в первом ряду. Большинство вели себя спокойно, приветственно махали, принимались негромко переговариваться или фотографировать меня цифровыми камерами. Другие вопили, хлопали или выкрикивали слова поддержки. Один парень свистнул. Всего набралось человек, наверно, двести. Шум нарастал, и в дело вмешались «вышибалы». Я подумал, что глупо просто сидеть, и, отстегнув микрофон, смешался с публикой – пожимал руки, подписывал карточки, позировал для фотографий.

Одна женщина обняла меня.

– Милый, я проехала двести шестьдесят четыре мили. Весь полдень после ланча простояла под дождем.

Я поблагодарил женщину, подписал корешок билета и футболку, а потом посмеялся, когда «вышибалы» попытались помешать обнять меня еще раз. Пробившись через толпу, я уже поднялся было по ступенькам, но снова спустился, заметив женщину в инвалидной коляске и форме моего колледжа. Ее звали Дженни. Я присел, сфотографировался с инвалидом и оставил ей автограф. Женщина сидела и плакала. Я поцеловал ее в лоб, и несчастная сжала мою руку. Мышцы не слушались женщину-инвалида, и даже глаза смотрели в разные стороны, но я увидел красоту и нежность. Мальчишка лет десяти, потерявшийся в огромном форменном свитере и бейсболке с названием моей будущей команды, тронул меня за плечо и сунул под нос карточку «Топпс». Я подписал ее, сфотографировался с мальчиком и сказал:

– Мне нравится твоя бейсболка.

Он пожал плечами, покачал головой и, подбоченясь, заявил:

– Подложил ты мне подлянку.

– Правда? – усмехнулся я, еще стоя рядом с юным болельщиком на коленях. – Как так? Парнишка повертел бейсболку в руках.

– Я этих ребят ненавижу, а теперь придется болеть за них.

Значит, я встретил равного и легко не отделаюсь. Я протянул руку.

– Мэтью.

– Мак. Мак Пауэлл.

Мальчишка держался с уверенностью и солидностью сорокалетнего мужчины.

– Вот что, Мак... – Я наклонился к нему и, понизив голос, сказал: – Раз уж ты поднял эту тему... Мне они тоже не очень нравились. Я их терпеть не мог. – Парень встретил мое признание с улыбкой. – Но... – Я оглянулся, как будто собирался поделиться с ним секретом. – Выбирать, в общем-то, не приходилось, и, судя по моим недавним встречам, новые владельцы – хорошие ребята. Между нами, я даже начал подумывать, не промахнулись ли они со мной. Я к тому, что то дело два года назад, в плей-офф, это ведь не их вина. – Парнишка согласно закивал. – В третьем их просто засудили.

Мальчишка поднял палец.

– Да, но они же сами взяли того травмированного раннингбека, Джексона, вообще не видевшего поля.

Публика уже собралась. Один из операторов включил камеру и уже навел на нас. Несколько взрослых, также обративших внимание на мальчишку, записывали наш разговор на цифровые камеры.

– Да, но... – Я тоже поднял палец. – Зато у них появились денежки, так что они смогли подписать... – я ткнул себя в грудь, – меня. А что касается того парнишки, Джексона... Я видел его – он вполне здоров. Да, совершенно здоров. – Мой юный собеседник улыбнулся. – Думаю, он тебя еще порадует. Так что давай дадим ему шанс, а там будет видно. – Болельщик с серьезным видом кивнул, как будто все понял. – Не говоря уж о том, что Джексон теперь мой одноклубник, а значит, я болею за него. – По глазам было видно, что аргумент подействовал.

Парнишка посмотрел на бейсболку, натянул ее поглубже и сунул руки в карманы.

– Ты играешь? – спросил я.

Мак посмотрел на собеседника и поджал губы.

– А что, похоже? – Весил Мак, учитывая носки и бейсболку, наверно, фунтов шестьдесят. – Хочу его работу. – Парень посмотрел на стул Джима Нилза.

Дерзости ему определенно было не занимать. Я усмехнулся.

– Ну, может быть, когда ты получишь ее, то пригласишь меня, и мы все сделаем еще раз. Мак протянул руку.

– Договорились.

Я повернулся к Одри и показал на горку футбольных мячей – продюсеры канала хотели, чтобы я раздал их зрителям после шоу. Женщина протянула один из них, и я написал на нем: *Мак, пусть сбудутся твои мечты. Мэтью № 8.*

Мальчишка внимательно прочел пожелание, осмотрел мяч и, удостоверившись, что все в порядке, сунул его под мышку.

– О'кей.

За спиной открылась дверь, вспыхнул яркий свет, и ассистентка жестом пригласила меня на сцену, снова прикрепила микрофон. Не успел я сесть, как в студию вошел и сел слева от меня великий Джим Нилз. Лет десять, а может быть дольше, я видел Джима на телеэкране. Больше его интервьюировал знаменитостей разве что Говард Коселл. Пожав мне руку, он мельком оглядел зал и посмотрел на Мака Пауэлла.

– Быстро схватываешь.

– Я не против.

– Что ж, лови момент. – Мужчина вроде бы хотел еще что-то добавить, но не стал. Положил бумаги, разгладил, пробежал глазами верхний лист и сказал: – Вопросы?

Я пожал плечами. Джим был мужчина крупный, широкоплечий, высокий, крепкий. Бывший профессиональный лайнбекер. Выступал за «Рейдеров», потом за «Стилерс». На правой руке – перстень, причем один из четырех за победу в мировом чемпионате. Дома у меня, в обувной коробке, лежала его карточка.

– Я подумал, задавать вопросы – дело ваше.

Нилз рассмеялся и кивнул.

– У тебя получится.

Вспыхнул зеленый огонек. Единственный живой член футбольного Зала Славы, Джим Нилз закинул ногу на ногу и выдержал паузу. Если его отношения с камерой напоминали танец, то роль ведущего партнера определенно принадлежала ему.

– Вернемся назад, – начал Джим и взглянул на листок. – Основной игрок школьной команды на протяжении четырех лет. Никогда не проигрывал. – Мужчина выдержал эффектную паузу. – Набрал больше ярдов, чем любой другой ученик в школьной истории. – Еще одна пауза. – Заработал больше всех тачдаунов⁹. – Долгая пауза. – Дальше колледж, где тебе предложили едва ли не рекордную стипендию. Отказав большинству, ты предпочел остаться поближе к родному городу, Гарди, и поступил в университет штата, где побил почти все рекорды Национальной ассоциации студенческого спорта для первокурсника. – Джим откашлялся. – Потом ты взял еще пару наград. – В зале послышался смех. – Сыграл пару больших матчей. – Снова смех. – Два часа назад тебя определили первым номером в драфте Национальной футбольной лиги. – Джим Нилз пристально посмотрел на меня, откинулся на спинку стула. – О таких, как ты, пишут книги. Как самочувствие?

– Отличное.

Он помолчал.

– Я наблюдаю за тобой со средней школы. С полдюжины раз брал интервью. Знаю тебя лучше многих, кто смотрит сейчас эту передачу. Я в этом бизнесе почти тридцать лет и временами скептически воспринимаю парней с такими способностями, как у тебя, видящих свое лицо на бутылках «Гаторейда», рекламах «Найка», коробках готового завтрака и при этом произносящих такие слова, как «отлично». Однако в твоем случае они звучат искренне, и мне трудно не верить.

⁹ Тачдаун (англ. *touchdown* – приземление) – один из способов набирания очков в американском и канадском футболе. Чтобы заработать тачдаун, игрок атакующей команды должен доставить мяч в очковую зону команды-соперника (англ. *end zone*). – Прим. ред.

Джим посмотрел на меня поверх очков, потом снова взглянул на листок.

– Через несколько часов ты улетаешь из Нью-Йорка на Гавайи, где вы с Одри проведете долгожданный и заслуженный двухнедельный медовый месяц. – Он посмотрел на Одри и повернулся к камере. – Для тех, кто не знает, – Мистер Скромник сдержал данное в школе обещание... – Джим кивнул молодой женщине. Другая камера вывела на экран ее лицо. Одри помахала, уверенная, прекрасно чувствующая себя в тени, не добивающаяся внимания. – Прежде чем вернуться в колледж и доказать критикам, как сильно они ошибались, он женился на любимой девушке. Те, кто следят за футболом, знают ее как Леди Восемь или... – тут Джим Нилз усмехнулся и покачал головой, – Престон. – Он посмотрел на Одри. – Извини. Пришлось. Впрочем, лично мне еще больше нравится Коата – паукообразная обезьяна. – Публика одобрительно захлопала. – Да что ж такое с футболом и прозвищами? – На экране замелькали фотографии Одри в моем свитере. – В снег и слякоть, дождь и иссушающий зной, под неусыпным оком прессы эта молодая женщина всегда, каким бы ни было давление, сохраняла спокойствие и благоразумие. Она – его болельщик номер один. – Снова фотографии на экране. Джим посмотрел на меня. – И восьмой номер – заслуга в той же степени ее, как и твоя. – Нилз снова заглянул в шпаргалку. Он мог бы обойтись и без нее, но делал это для пущей важности. Похоже на отрепетированный сайд-степ в танце, а для меня – обычный переход.

– Ты обладаешь невероятной способностью везде и во всем выигрывать. Одноклубники называют тебя хирургом, фельдмаршалом, Ти-рексом защиты, авторитетом и вместе с тем характеризуют словом «бескорыстный». Говорят, ты не падок на похвалы, что необычайно, учитывая твои достижения. С чем это связано?

Я показал пальцем за спину.

– Если у меня начинает пухнуть голова, она всегда воткнет булавочку.

Зрители засмеялись. Джим ждал.

– А когда не срабатывает?

– Может и ножкой погладить в не самом подходящем месте.

Снова смех. Джим кивнул ассистенту, забравшему у Одри наушники и, подведя ее к софе, усадившему рядом со мной.

– Одри? – Джим поднялся и сделал жест рукой. – Пожалуйста.

Она ущипнула меня за ногу и шепнула:

– Один месяц.

Публика захлопала. Джим подождал.

– Что она привносит в вашу команду?

– Прежде всего, что бы кто ни говорил и ни писал, я пришел сюда не один. Мы пришли вместе. Два года назад, когда на последней минуте я запарол пас Родди в эндтовую зону¹⁰ и мы проиграли чемпионат, критики заговорили, что успех ударил мне в голову и я никогда не выиграю ничего крупного. Одри отключила телевизор, отрубила радио в машине, переделала мой график так, чтобы отрезать от репортеров, да еще и отправила на поле с Родди. Не хотела, чтобы я слышал голоса сомневающихся. В одной игре несколько месяцев назад, когда до конца оставалось семь секунд, я отдал Родди тот же пас – в похожей ситуации. Я не собираюсь отбирать что-то у Родди. Он, конечно, хорош. Я многим ему обязан, но если бы он сидел сейчас здесь, он бы сказал вам, что тот кэтч – не столько наших рук дело, сколько этой женщины. – Я показал на лежавший перед Джимом листок. – Вся эта история – о нас с Одри. О том, что мы сделали. Не я. Большая разница.

Он повернулся к Одри.

¹⁰ Эндтовая зона – наиболее важная часть поля. Это – дополнительные 10 ярдов в конце каждой половины, где зарабатываются очки. – *Прим. ред.*

– Есть что добавить?

– Мэтью рожден для футбола, им он сейчас и занимается. Он лучше многих просчитывает игру. У него сильные руки. Хорошие бедра. Зрение. Вполне приличная скорость. – Одри усмехнулась. – Довольно смазливый. – Она посмотрела в зал, ожидая реакции – зрители отозвались ободряющими криками и свистом, – и снова повернулась к Джиму. – Спокоен под прессингом. Развивается. Постоянно смотрит записи. Фильмотека у него преогромная. Хотя есть и еще кое-что – ему до всего есть дело. Глаза в хадле. Это важное знание, оно не воспитывается тренировками. Команда для него – не номера на свитерах и не средство достижения цели. Для Мэтью сама команда – цель. Он – первый, кого они видят, приходя в себя после хирургической операции. Голос Мэтью слышат в пять часов утра, когда наступает время для пробежки. Он не раз опаздывал на обед со мной из-за того, что у кого-то какие-то проблемы. Если вы просмотрите эсэмэски, отправленные с его телефона после объявления результатов драфта, то увидите, что они адресованы товарищам по команде, тренерам, инструкторам. «Спасибо», «Без тебя это было бы невозможно» – такого рода тексты. Мэтью – искренний. Он не притворяется. – Одри посмотрела на меня. – Он такой, какой есть.

Джим повернулся к залу.

– Неплохая коммерческая реклама, не правда ли? Мы сейчас вернемся. – Зеленый огонек сменился красным. Джим посмотрел на Одри, потом на меня. – Друг мой, ты женился не по рангу – тебе до нее расти и расти.

Я кивнул.

– Так и есть.

До конца паузы Джим принял пару вопросов из зала. Я расписался на нескольких мячах, бросил их публике и вызвал замешательство у ассистентов, когда поднялся, чтобы передать мяч Дженни в инвалидной коляске. Когда свет снова переключился на зеленый, Джим повернулся ко мне.

– Ни для кого не секрет, что о Гарди, штат Джорджия, страна узнала благодаря тебе. Учитывая все твои заслуги перед городом, неудивительно, что там едва ли не все твои болельщики. Ты – почетный мэр. Джим, тебе вручены ключи от города. Критики, если они у тебя и есть, ведут себя довольно тихо. На то есть причины. Благодаря тебе город получил семь чемпионств. В прошлом году главную городскую улицу переименовали в бульвар имени Мэтью Ракеты. Школьный стадион в Сент-Бернаре назвали в твою честь. Согласно данным статистики, последние пять лет самое популярное мужское имя в Гарди – Мэтью. – Джим вскинул бровь. – Итак... Что еще осталось?

Я указал на моего нового друга в зале. Сидевший на краешке кресла Мак расцвел от удовольствия.

– Я теперь новичок в Национальной футбольной лиге. Завтра утром я проснусь в самом низу их иерархии. Все то, о чем ты говорил, помогло мне попасть сюда. Вот так. Это не значит смотреть на ветеранов снизу вверх. Я возвращаюсь в школу с лучшими в данной игре. В игре, которую люблю. Похоже, у меня талант, хотя, конечно, мне еще нужно его развить. В любом случае это игра между двумя командами, в каждой из которых одиннадцать собранных вместе парней могут делать такое, чего никогда не сделает любой одиночка. В этом величие и магия футбола. Вот почему мы играем в него.

Джим помолчал.

– Любимый момент в игре?

– Когда проигрываем и игра не получается, когда все против нас. В такие моменты и выясняется, из чего мы сделаны. В такие моменты мы учимся доверять друг другу и полагаться друг на друга. Вот тогда важны глаза за маской.

Джим молча свернул листок и сунул в задний карман.

– Прошел слухок, что после интервью ты отправишься в конференц-зал, где подпишешь несколько контрактов, оценивающих, как говорят, в десятки миллионов, а потом договор на еще несколько десятков. Большая часть этих миллионов гарантирована – при условии, что ты появишься в расположении команды. Потом, как все утверждают, улеетишь... – он усмехнулся, – *эконом-классом* на Гавайи. Через считанные секунды ты станешь мультимиллионером. Это что-то изменит в твоей жизни?

Я глубоко вздохнул.

– Надеюсь. – Публика рассмеялась. Журналист посмотрел на Одри. – Она не позволяет мне включать по ночам кондиционер. Говорит, мы не можем себе это позволить, и, если учитывать, как я ем, надеюсь, она даст мне небольшое послабление.

Джим поднял последний номер «Спортс иллюстрейтед» с моей фотографией на обложке – второй за четыре года. Я стоял на поле с мячом в руке, спиной к камере и лицом к воротам вдалеке. Хороший снимок. Мне он нравился потому, что объектив смотрел на поле, на ворота, на игру, а не на меня. Джим повернул фотографию к камере, чтобы зрители увидели ее на экране. Заголовок гласил: «БУДЕТ ЛИ БОГ ПЯТНИЧНОГО ВЕЧЕРА ПРАВИТЬ В ВОСКРЕСЕНЬЕ?» Журналист постучал по обложке. – Твой ответ?

– Мне неудобно на него отвечать.

– Почему?

– Я себя не придумывал. Я – это просто я. – Я покачал головой и указал на Дженни в инвалидном кресле. Камера поместила на экран ее улыбающееся лицо с глазами, глядящими в разные стороны – Дженни, извините, если не в тему, но... – Я посмотрел на Джима. – Думаю, вот она знает, как брать препятствия и преодолевать трудности. В футболе принес пару тачдаунов, и тебя уже называют великим. Люди создают статуэтки по твоему подобию и дают ключи от города. А у этой женщины вся энергия уходит на то, чтобы встать с постели, одеться и приехать в студию. И где ее аплодисменты? Я играю на поле. Она играет в жизни. – Я остановился и окинул взглядом публику. – Мне нравится футбол. Я счастлив, что играю в него. Я люблю видеть улыбки на лицах и понимаю желание почитать о том, как живут парни вроде меня. Впрочем, в общем раскладе вещей мое поведение на поле несравнимо с жизнью людей за его пределами.

Джим посмотрел на экран.

– Леди и джентльмены, Одри Райзин со своим мужем и, временами, футболистом Мэтью Райзином, известным также как Айсмен, Тирекс, Мэр Гарди и Ракета. – Он протянул руку сначала Одри, потом – мне. – Спасибо, что заскочили в этот многообещающий вечерок.

– Спасибо вам, сэр.

Глава 2

Настоящее время

Серые стены. Стальные решетки. Запертая дверь. Без ручки. По крайней мере, с моей стороны. Унитаз из нержавеющей стали. Полрулона бумаги. Одна картина. Цементный пол. Одно окно. Восемь на восемь футов.

Моя жизнь на шестидесяти четырех квадратных футах.

Любой звук разносится эхом, пляшет вокруг, как теннисный мячик, и наконец находит выход в открытое окно или незапертую дверь. Через подоконник над моей головой вползает дневной свет. Иногда по утрам во дворе сидят голуби и воркуют друг с дружкой. Я их не вижу – доносится лишь их воркование.

Подложив руки под голову, я словно открыл ворота памяти, хотя днем гнал от себя картины прошлого. Отвлекался. Сейчас, в предрассветной тишине, занять себя нечем, поэтому этим утром – как и каждое утро – эпизоды из памяти вернулись. Одним файлом. Бесконечной вереницей кадров. Когда-то они были ясными и четкими. Цветными. Даже объемными. Со временем картинки поблекли, покрылись пятнами, уголки загнулись. Цвет сепии вобрал все остальные. Состояние не бог весть какое, но это все, что у меня есть. Я внимательно просматриваю каждый кадр.

Первая фотография – всегда Одри. Разные ее образы. Чаще всего картинка с последнего вечера: она в платье, красивыми складками ниспадающем с плеч. Мерцающая свеча, огни Центрального парка, простирающиеся перед нами, серебряная голубка, поблескивающая на шее, ее лоб, прижимающийся к моему. Вскоре возвращаются и запахи. Новая одежда, духи Одри, пузырьки шампанского, лопающиеся у меня в горле, автомобильные клаксоны на Бродвее внизу, тяжесть ручки у меня в руке, моя подпись, отель, она в моей пижаме...

Неприятные ощущения в лодыжке возвратили меня в настоящее. Я посмотрел: вчера мне установили ножной браслет, а затем попытались предупредить насчет реакции людей. Сказали, что парни вроде меня удивляются, как этот неодушевленный предмет может пробуждать ненависть. Даже отвращение. Вообще-то он весит несколько унций и позволяет им отслеживать мои передвижения в пределах трех футов. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. В смысле эмоций это вторая по тяжести вещь, которую я когда-либо носил.

За двенадцать лет здесь, больше четырех тысяч трехсот дней, я понял одну простую истину: существует разница между сбывшейся мечтой и мечтой выжившей. Тюрьма держит твоё тело, а воспоминания приходят и уходят, когда хотят, просачиваясь сквозь решетки, подобно воде. Несчастный, кто помнит, и счастливчик, кто забывает.

Как только послышались шаги Гейджа, фотоальбом в моей голове закрылся. Через несколько секунд он появился с другой стороны двери. Странная противопоставленность – свобода, отделенная одним дюймом плюс миллионом миль. Мяч выглядел маленьким в его лапищах. Он подбросил его в воздух. Тот взлетел, вертясь, достиг своей высшей точки и упал, но мужчина быстро подхватил его и снова подбросил. Я поднялся с койки, а Фрэнк в стеклянной дежурке в конце блока нажал кнопку и открыл мою дверь. Она отворилась, и я, по кивку Гейджа, вышел в общую зону тюремного блока Д коррекционно-исправительного учреждения Уайрграсс. Впрочем, исправились здесь немногие.

Общая зона четырехугольной формы высотой в четыре этажа, открытая посередине. Позади каждого из нас лестничный колодец. Нас разделяли двадцать пять ярдов. Гейдж ухмыльнулся и бросил мне мяч. До того как стать тюремным надзирателем, он был неплохим ресивером. Помню, я видел его по телевизору: самый ценный игрок матча «Розовой чаши». После колледжа мужчина подписал контракт, но во второй год своей карьеры травми-

ровался, сменил несколько команд, поболтался еще несколько лет, поучаствовал в нескольких играх, однако нигде надолго не задерживался. Через пять лет после вступления в лигу, проиграв почти все свои деньги, потеряв надежду до конца вылечить раздробленное колено, Гейдж пристроился на эту работу с постоянным заработком и привилегиями. Растрать он свои деньги на дозы, этой работы ему, конечно, было бы не видать. С другой стороны, пусть азартные игры и сломали его почти так же быстро, но его не дисквалифицировали. Наоборот, Гейдж снискал расположение других надзирателей, с жадным интересом слушавших его истории о Вегасе, Атлантик-Сити и об одной легендарной неделе в Монако. Когда мы впервые встретились, Гейдж улыбался, правда, улыбка не скрывала грусти. Удалить игрока из игры – это одно, а вот отобрать у него игру – совсем другое.

Скороварка без стравливающего клапана – не скороварка. Это бомба.

Держа мяч в руке, Гейдж смотрел на меня через открытое пространство.

– Сколько мы этим занимаемся? – он знал ответ, но все равно спросил.

– Пару лет.

– Семь лет, десять месяцев и четырнадцать дней. – Он пожал плечами. – Плюс-минус.

– Пятнадцать.

– Уверен?

Я поймал мяч, опустил к коленям и бросил. Бросок от колен – тренировочное упражнение для квотербеков, улучшающее бросковое движение, направленное вверх. Я прицелился и метнул на то короткое расстояние, что было между нами.

– Был вторник.

– Да, срок приличный.

Еще как.

– Целая жизнь.

Мы перебрасывали друг другу мяч, разминаясь. Через несколько минут снаряд уже летал со свистом. Как любой хороший ресивер, он ловил мяч, прижимал к себе, прикрывал, потом бросал назад.

– Куда поедешь?

– Домой.

– Уверен, что тебе это надо?

Я не ответил.

– ...

– Где остановишься?

– Найду что-нибудь.

Гейдж помолчал.

– Она того стоит?

Пауза. Я указал на его больное колено.

– Если бы тебе позвонили из какой-нибудь команды, неважно какой, и сказали: «Эй, мы бы хотели взять тебя на просмотр». Сколько времени тебе понадобилось бы, чтобы сесть на самолет?

Он снова изобразил позу Хайсмена¹¹.

– Примерно столько.

Я кивнул. Он понял.

Когда двое мальчишек или мужчин играют в мяч, может появиться ритм. Что-то вроде пульсации: поймал, бросил, поймал... Так бывает не всегда, но у нас с Гейджем это случалось.

¹¹ Джон Хайсмен – игрок в американский футбол, приз имени которого НФЛ ежегодно вручает самому ценному игроку. – *Прим. ред.*

лось почти постоянно. И это была моя терапия. Я отпустил мяч, стряхнув пот со лба и пальцев. Мяч вылетел из моей руки и вонзился ему в ладони, обжигая кожу. Он покачал головой.

– Ты бросал так же сильно в колледже?

Я пожал плечами.

– Какая разница.

Мужчина усмехнулся. Кое-кто из других заключенных проснулся, и их белки поблескивали за решетками.

– Разница есть, если ты слушал радио последние пару недель, то увидишь ее. Несколько тренеров изъявили желание посмотреть тебя. Кое-кто из игроков уже высказался на этот счет.

Я приподнял штанину, показывая черный ножной браслет. На пару минут воцарилась тишина, только мяч продолжал летать между нами. Наше время почти истекло. Гейдж взглянул на дверь, окно, оценил расстояние до ограды.

– Один разок?

Я покачал головой.

– Для меня?

Я знал, что камеры пишут.

Надзиратель потрусил к двери, ведущей во двор, и нажал кнопку, чтобы опустить автоматическое окно над дверью, служившее вентиляционной отдушиной. Окно размером восемнадцать квадратных дюймов находится на высоте двенадцать футов, и через него поступает свежий воздух в камеры. Без сетки и решеток оно выходит во двор, который окружен двумя рядами пятнадцатифутового ограждения под напряжением, со спиралью колючей проволоки наверху. А еще оно позволяет человеку с футбольным мячом сделать бросок в угол тюремного двора на расстояние в пятьдесят девять ярдов – при условии, что бросающий попадет в это игольное ушко, полуторафутное окошко, находящееся как раз на полпути. Места для ошибки немного. Гейдж бросил мне мяч и пробежал через две автоматические двери в дальний угол двора. К этому времени другие заключенные проснулись и глазели на нас через решетки камер. Кое-кто делал ставки, заключал пари.

Бросок требовал точности, и это означало, что мяч не должен подняться выше двенадцати футов над землей. В футбольных терминах это называется «бросать на замерзшей веревке». К тому же от игрока требуется запустить мяч со скоростью 600 об/мин – примерно с такой же скоростью летает пневматический гайковерт у команд НАСКАРа в смотровой яме.

Гейдж махнул, сигнализируя, что все чисто. Я смотрел на него через окошки двух дверей, поэтому очертания были искажены, расплывчаты. Я повернул мяч в руке, пальцами нащупав шнуровку, определил цель, отступил на три шага и бросил снаряд Гейджу. Он вылетел из моих пальцев, просвистев тугой спиралью, чисто прошел окно, ввинтился в воздух и пересек внешний двор, влипившись в руки на дюйм или два левее той воображаемой точки, нарисованной мной у него на лбу. Мужчина поймал мяч, подержал, словно говоря тем, кто смотрел, – *вот так-то бывает*. Затем потрусил обратно, подождал, пока Фрэнк отопрет, откроет, закроет и запрет каждую дверь. Вручая мне мяч, покачал головой.

– Знаешь, сейчас во всей лиге только один, ну, может, два игрока в состоянии сделать такую передачу. А может, их и за все время только пара и наберется.

Я пожал плечами.

Я вошел в свою камеру и повернулся. Мне не разрешалось протягивать руку, и Гейдж знал это. В ответ он протянул мне мяч вместе с авторучкой. За все это время не попросил ни разу. От пота и жира наших рук мяч за годы потемнел. Я расписался и вернул. Гейдж повертел в руках кожаную сферу, взглянул через плечо на окно, в угол двора, потом снова на меня.

– Буду хранить его... где-нибудь в надежном месте.

– Тебе лучше спрятать его. – Я махнул на внутренние камеры, записывающие наши утренние занятия. – Вместе со всем остальным.

Гейдж шагнул за дверь, зашептал в свой микрофон. Дверь закрылась, щелкнул замок. Он – с одной стороны, а я – с другой. Надзиратель бросил взгляд на свои часы.

– Ты тут особенно не устраивайся. Сейчас подойдут двое – закончить с бумагами.

Я окинул взглядом камеру.

– Никогда не чувствовал себя вольготно с тех пор, как вошел сюда.

Он улыбнулся, потом повернулся и зашагал прочь.

– Береги себя, Ракета.

– Гейдж? – окликнул я.

Он остановился, но не обернулся.

– Спасибо.

Он взглянул влево, на внутренний двор, потом на восемнадцатидюймовое окно над дверью, ведущей во двор, покачал головой, буркнул что-то себе под нос и ушел, подбрасывая мяч.

Глава 3

Американский футбол вышел преимущественно из регби, и до конца 1860-х эти два вида спорта практически ничем не отличались. Затем в конце девятнадцатого века Уолтер Кэмп, отец американского футбола, предложил внести в правила некоторые изменения. Игра американизировалась и, по сути, приобрела современный вид.

Первым из внесенных Кэмпом фундаментальных новшеств была неслыханная дотоле концепция «даун энд дистанс». Владеющей мячом нападающей команде дается четыре попытки для продвижения на десять ярдов. В случае успеха она получает еще четыре попытки. Во-вторых, Кэмп сократил количество полевых игроков с пятнадцати до одиннадцати, так что свободного места стало больше.

Но самым на ту пору радикальным нововведением был «снэп», передача неподвижного мяча между ногами здорового волосатого громила в руки другого игрока. Игрока иного плана. Игрока, не похожего ни на какого другого на поле, квотербека, или КБ. Учредив снэп, Кэмп, сам того не сознавая, создал совершенно новую ситуацию – как для игроков, так и для зрителей. Снэп породил паузу. Перегруппировку за линиями. То, что стало называться «хадл». Во время хадла игроки получают указания – кто с кем и против кого играет. В эти короткие секунды квотербек смотрит на своих товарищей и, не произнося ни слова, как бы задает один вопрос: *«Вы в меня верите?»*

И ответ либо соединяет их сердца неразрывными узами, либо раскалывает команду клином.

В каждой игре половина из находящихся на поле – защищающаяся команда – готова разорвать квотербека на части. Другая – нападающая – делает все возможное, чтобы не допустить этого и помочь квотербеку перенести мяч через одну из двух линий ворот, разделенных ровно сотней ярдов поля.

В первое время после введения снэпа квотербек передавал мяч хавбеку или бежал с ним сам. Но потом эта тактика стала слишком предсказуемой и однообразной. По правде говоря, игра была просто скучной, и тогда Кэмп предложил еще одно изменение.

Пас вперед.

И игра изменилась до неузнаваемости.

Новые стратегии рождались, развивались и менялись либо отбрасывались. Популярность игры резко возросла, как и репутации игроков. Прежде мужчины-здоровяки, способные поднимать грузовые вагоны, просто выстраивались друг против друга и, словно сорвавшись с цепи, толкались и месились в облаке пыли, соплей и крови. После нововведения в игру включились уже не Голиафы, а пастухи Давиды. Вот они и стали главными.

С изменением правил изменилась и ответственность игроков, в первую очередь квотербеков. Как бы игра ни усложнилась – а она действительно усложнилась, – задача квотербека заключается в том, чтобы доставить мяч в руки других плеймейкеров, дать сыграть им, помочь своей команде доставить мяч за линию ворот.

Короче, взять очко.

Его роль – наиважнейшая. Строго говоря, без какого-либо другого игрока играть можно – пусть и без особого успеха, – но без этого игрока никак нельзя. Квотербек – это тот, кто принимает решение. Он – мозг, определяющий фактор, без него игры нет, и мяч никогда не пересечет линию ворот.

Сегодня, сто тридцать лет спустя, американский футбол – это многомиллиардная индустрия. Болельщики сходят с ума по своим командам и игрокам, стадионы принимают сотни тысяч зрителей, одетых в свитера с именами их кумиров. В их честь они называют детей и собак и тратят немалые деньги, покрывая себя татуировками с названиями любимых команд.

Поскольку принести славу может в принципе каждый снэп, фанаты моментально возносят этих смертных на пьедестал. Некоторые и поныне стоят на нем – Хайсмен, Юнитас, Старр. И мы бываем в шоке, когда идол вдруг оказывается обычным человеком, и у него ломаются кости, растягиваются и рвутся мышцы. Кумир снимает шлем, и мы удивляемся, не обнаруживая крылатого Пегаса, улыбающегося Геракла или Зевса-громовержца. Мы любим их, когда они побеждают, печалимся, когда они проигрывают, приветствуем, когда они, уйдя, возвращаются, и презираем, когда они не оправдывают наших надежд.

Мы ненавидим кумиров, когда они подводят нас.

Правда заключается в том, что у квотербека есть, если можно так сказать, срок годности, причем довольно ограниченный. Он – туман, что проносится над полем. Каждый делает столько-то пасов, пройдет столько-то ярдов, выиграет столько-то матчей и чемпионатов. В конце концов его карьера выражается в числах. У каждого квотербека есть первая игра и есть игра последняя. Одни попадают в Зал Славы, другие упоминаются в статистике. Разница есть. Вот почему болельщики постоянно ищут тех, кто сможет удовлетворить их ненасытный аппетит.

Некоторые квотербеки, то ли по Божьему промыслу, то ли собственными волевыми усилиями, задерживаются дольше других. За это мы их любим. Некоторые становятся великими. Некоторые – бессмертными. Мы возлагаем на них свои надежды, а они взамен делают то, чего не делает никто другой. Одни отдают игре часть себя. Бессмертные отдают все до капли: чтобы сбылись надежды других, нужно опустошить себя. Уберите краски, разговоры и суету, и остается суть: футбол – это война. Жестокая, варварская война. И те, кто играет, это знают. Одни говорят, что играют, чтобы подражаться, выплеснуть злость, ненависть. Такие игроки – обманщики. Злостью матч не выиграешь, и после финального свистка футболистов судят не по силе ненависти, а по глубине любви.

Вот почему, когда наши идола плюют на нас, когда они не ценят то, что ценим мы, когда отбрасывают наши надежды, словно надоевшие одежды, сметают их, словно крошки со стола, боль предательства пронзает душу, и только одно лекарство исцеляет ее.

Ворота исправительного учреждения Уайрграсс захлопнулись за моей спиной по *ту* сторону. На асфальте под стелющимся серым туманом темнели лужи. Между трещинами проклевывалась трава. Слева, поверх пятнадцатифутовой стены, растянулась колючая проволока. Влажный воздух словно одеялом накрыл меня. На караульной вышке с винтовкой в руках стоял Гейдж. Взмах рукой, кивок, полуулыбка – и все. Тишина. Какой контраст с тем медийным цирком, сопровождавшим мое поступление сюда.

Постояв немного (к лучшему за это время ничего не изменилось), я потихоньку двинулся дальше, подняв воротник и повернувшись лицом к ветру; в плюсе – двенадцать лет на ногах, в минусе – двадцать фунтов живого веса.

На выходе из города мужчина в фургоне, с Библией на приборной доске, предложил подбросить до места, и я уже было согласился, но потом увидел на заднем сиденье его дочь и, поблагодарив, отказался. День клонился к сумеркам. Я поднял руку. Долго ждать не пришлось – остановилась женщина лет сорока с небольшим в похоме на коробку «Шевроле».

– Вам куда?

– Гарди.

– Это где?

– Восточнее Джесапа.

– До полпути могу подбросить.

Я открыл дверцу и сел, стараясь не смотреть ей в лицо и убедившись, что штанина прикрывает лодыжку.

Она, похоже, нервничала и первые двадцать минут больше говорила сама. Потом все же переменяла тему.

– Ну, хватит обо мне. Расскажите о себе.

У меня сдавило горло.

– Возвращаюсь домой. Хочу увидаться кое с кем, кого давно не видел.

– А что у вас с машиной?

– Машины у меня сейчас нет. Собираюсь купить, как только смогу.

– А работа есть?

– Я... – Мысли забежали. *Каким словом теперь обозначают безработных?* Не сразу, но вспомнить все же удалось. – Я сейчас в поиске. Надеюсь найти что-нибудь дома.

– Подружка есть?

– Нет. Подружки нет.

– Жена?

– Уже нет.

Судя по тому, как изменилось выражение лица, какие-то подозрения у нее все же зародились.

– Ну, милый, с этим надо что-то делать. Хобби-то какое-то есть?

Врать, как и говорить полуправду, у меня всегда получалось плохо.

– Мэм, я только что из Уайрграсса. – Само название учреждения говорило о серьезности моего преступления.

– Когда?

– Пару часов назад. Если хотите остановиться, обижаться не стану.

Она посмотрела на меня. Внимательно, испытующе. Ехали мы теперь медленнее, но ее нога оставалась на педали газа. Держа руль левой рукой, она сунула правую в сумочку, лежавшую между ней и дверцей.

– За что?

– Я отсидел двенадцать лет.

– Двенадцать лет? – Она убрала ногу с педали, и теперь мы ехали по инерции.

– Да, мэм.

Она не выказала никаких чувств. Пока. Ситуация сложилась для нее нелегкая.

– Мэм, меня зовут Мэтью Райзин.

Секунды три эти слова кружили по салону, прежде чем попасть в ту часть мозга, где у нее хранились воспоминания. Мы посмотрели друг на друга, она узнала меня, и ее губы напряглись, а глаза сузились. Злость и неприязнь вытеснили доброту. Не говоря ни слова, она съехала на обочину и нажала кнопку замка.

Я спокойно вышел, поблагодарил и закрыл дверцу. Больше она на меня не посмотрела и, не сказав ни слова, отъехала и скоро скрылась вдалеке.

Глава 4

В те сумасшедшие дни перед драфтом сразу несколько агентств обратились с предложением представлять меня. Многие предъявили серьезные аргументы. Говорили, что смогут защитить меня самого и мои интересы. Все так, но мне нужен был кто-то, кому я мог доверять. Семь лет Данвуди Джексон был моим центром, буквально моим щитом, защищавшим от желающих оторвать мне голову. При росте в шесть футов и два дюйма и весе в триста двадцать фунтов, «Вуд», как я любовно его называл, лучше всех подходил для такой работы. На поле и за его пределами мы были неразделимы. Огромный, сильный, рыжеволосый, с усыпанным веснушками лицом и громким заразительным смехом, он напоминал викинга. Три года в школе и четыре в колледже Вуд нацеливал на меня свою потную задницу, вколачивал мяч мне в руки и лично таскал мои чемоданы. Будучи великим футболистом, он еще и прилично учился. В колледже Вуд выбрал специализацией финансы, а на последнем курсе переключился на юриспруденцию. Сдав экзамены, он записался в вечернюю школу для получения вдобавок еще и степени магистра управления бизнесом. Похудевший до двухсот сорока фунтов, Вуд взял на себя роль моего агента, моей «первой линии обороны», объяснив такое решение тем, что всегда хотел использовать ситуацию по полной. Всю ту неделю в Нью-Йорке, пока я примерял костюмы и сидел перед камерами, он разговаривал с другими игроками и подписывал новых клиентов, важничая и со странным удовольствием указывая мне, что делать: Вуд наслаждался жизнью.

После моего интервью с Джимом Нилзом Вуд вывел нас из студии через заднюю дверь к взятому напрокат лимузину – проехать пять кварталов. Выходя за дверь, он приложил руку к спрятанному в левом ухе приемнику и пробормотал что-то в микрофон на правой руке.

Справа от нас заработал мотор. Из темноты медленно выехал длинный черный лимузин. Я вскинул бровь.

– Знаешь, мы бы и пешком могли дойти.

Выбирая агента, Одри исходила из того, что мне нужен не еще один подлиза, а человек, хорошо знавший меня и способный отделить мои интересы от чьих-то еще. Она всегда говорила, что рядом со мной должен быть не подпевала, а друг, надежный и откровенный.

Вуд посмотрел на часы, подтянул манжету рубашки и оглядел улицу.

– Помолчи и садись в машину.

Одри рассмеялась – именно такого агента она и искала для меня.

Я показал на его микрофон.

– Удачный штрих.

Через девять минут, воспользовавшись запасной дверью, мы вошли в здание. В двух отдельных конференц-залах, отделанных красным деревом, нас ожидали две команды. Первая представляла рекламную компанию – всего восемь человек. Вторая состояла из владельца и генерального менеджера моей новой команды. В ходе переговоров я попросил, если такое возможно, взять двух моих ресиверов¹² и двух лайнменов¹³. Они стояли на драфте, и команда согласилась, что дело того стоит, но только при условии, что драфт сработает в нашу пользу. Сработало. Все четверо уже должны были ждать здесь для подписания контрактов вместе со мной. Поскольку Вуд представлял интересы и каждого из них, вечер для

¹² Ресивер – основной задачей ресивера является получение паса от квотербека. Для этого ресивер должен обладать хорошей скоростью и умением ловить мяч в сложных ситуациях. Ресиверы обычно размещаются на дальних краях линии нападения. – *Прим. ред.*

¹³ Основная функция лайнменов – блокировать игроков защиты. Лайнмены выстраиваются в линию нападения. Линия нападения включает в себя следующих игроков. – *Прим. ред.*

него складывался как нельзя лучше. Как и для всех нас. Представители других агентств, конкуренты Вуда, предложили мне не спешить, обещая лучшие контракты и больше денег. Вуд посоветовал взять то, что дают. Условия были хорошие, столько денег не получал еще ни один новичок, так что ждать лучшего не имело смысла. Да я и не хотел. Я хотел играть. Хотел держать в руках мяч. Сказать по правде, я бы вышел на поле и бесплатно, однако Вуд и Одри сошлись на том, что пусть это остается нашим секретом.

Последним по порядку, но не по значимости пунктом стоял вопрос о Коуче Рее. Вообще-то никаким тренером Коуч Рей не был, но мы все его так называли. И он заслужил это пятьюдесятью отданными футболу годами. Начав работать сторожем, Рей пробился в прачечную, а потом попал и в аппаратную. Я познакомился с ним восемь лет назад, будучи еще первокурсником в Сент-Бернаре. Однажды рано утром, когда я сидел в кинозале, Коуч подошел ко мне и, оглянувшись через плечо, прошептал: «Мистер Мэтью, вы не прочитаете мне это письмо? Я не умею...»

Так мы и подружились.

Он первым еще до света встречал меня каждое утро и последним провожал и гасил за мной свет. Рей понимал толк в защите, так что немало фильмов мы просмотрели вместе. В Сент-Бернаре он пробыл тридцать восемь лет и всегда хотел получить работу в колледже, поэтому, когда я спросил, нет ли у них места в тренировочном штабе, такое место нашлось. Потом в последние недели переговоров и с разрешения Коуча Рея, я поинтересовался, можно ли пристроить его в эту организацию. Репутацию Рея знали, так что они согласились удовлетворить мою просьбу, но и мне пришлось пойти на уступки. В предвкушении большого события Рей купил новый костюм в полоску, цилиндр, трость и новые пингвиновские винг-типы¹⁴ с металлическими задниками. Одри сказала, что внешностью он напоминает ей одновременно Грегори Хайнса и Фреда Астера, а походкой – караульного у Могилы неизвестного солдата.

Одри как будто парила: казалось, ее ноги едва касаются земли. На ней было платье телесного цвета, словно коконом облегавшее бедра. Выглядела она сногшибательно. Древний лифт поднимался неторопливо, приветствуя звоночком каждый этаж, а Вуд рассказывал, как только что встретил знакомую легкоатлетку, перепрыгнувшую с беговой дорожки в кино. Надевая в вестибюле пальто, она спросила, в каком номере Вуд остановился. «Мне нравится, что ты сделал с Мэтью. Я угощу тебя кофе, и мы посмотрим, не захочешь ли ты представлять и меня тоже». Вуд не стал говорить ей, что не просто не пьет кофе, а его выворачивает от одного только его запаха. Одри рассмеялась и взяла меня под руку.

Мы вышли. Оба конференц-зала находились на одном этаже, справа от лифта. Из-за одной двери выплеснулся и оборвался нервный смех, как будто люди в комнате затаили дыхание. Вуд указал на дверь слева.

– Располагайтесь и не торопитесь. Они подождут.

Одри посмотрела на меня – сначала смущенно, потом с подозрением. Я взял ее за руку, и мы вошли. Дверь за нами закрылась. За окном взлетной полосой светился Бродвей, вдалеке мерцали огоньки Центрального парка. Сияющий город раскинулся под нами. Напротив окна расположились диван и два дизайнерских кресла. На столе своей очереди ждали бутылка шампанского в ведерке со льдом и свежая малина. На стеклянном столике лежала коробочка, обернутая голубой фольгой и перевязанная того же цвета ленточкой. Рядом горела свеча.

– И ты сам это все устроил? – удивленно вскинула брови Одри.

– Да.

– На самом деле?

¹⁴ Вингтип (Wingtip Brogue) – классический брод с дополнительным слоем кожи в форме буквы W на носке, идущим от носка и сужающимся вниз к середине союзки.

– Правда.

Побывав в сотне раздевалок, я прекрасно знаю, чем там занимаются парни и куда они идут, чтобы заполнить пустоту в душе и обрести себя. По большей части это фальшивка. Пустота, и только. Я стоял и смотрел на нее. Трепещущее пламя свечи. Легкий изгиб ее губ. Тонкая талия. Этой своей красотой, скрытой от всех, она делилась только со мной.

Что бы там ни впалял Господь в мужские сердца, в нашу ДНК, но понимание загадки и чуда женщины как сердца, облаченного в физическую красоту, я нашел в своей жене.

Она положила руку на бедро.

– И когда же ты это успел?

– Милая, у меня есть некоторый опыт по части отдачи команд.

Одри обвела взглядом комнату и сложила руки на груди.

– Похоже, тебе действительно удалось меня удивить.

– Хорошо.

Одно из простых житейских удовольствий: Одри нравилось открывать подарки. Особенно развязывать бантики. Вот и сейчас она нетерпеливо постучала по коробочке пальцем.

– Последние пару недель... Нет, если уж откровенно, то даже месяцев и лет, все сводилось ко мне. Прежде чем положение изменится...

Она улыбнулась.

– Прежде чем?

– О'кей... более или менее изменится, я хочу нажать кнопку «пауза».

Она слушала меня вполуха, продолжая постукивать по коробочке. Что ж, подготовленная заранее речь может и подождать.

– Открывай.

В средней школе моего внимания добивались две женщины. Я выбрал только одну.

Я шел на занятия. Учебники в одной руке, футбольный мяч – в другой, в голове – запись пятничного вечернего матча. Была середина сентября; сезон начался, и мы уже победили в трех матчах. Уверенно. Вообще-то мы не проигрывали уже два с половиной года. В пятницу я сделал пять зачетных пасов и закончил игру с хорошими показателями. Обо мне заговорили. Присутствие на каждой игре десятка скаутов стало нормой. Я свернул за угол, к кабинету физики, и тут за спиной раздался знойный голос.

Джинджер Редман была чирлидером¹⁵, президентом театрального кружка, постоянным членом дискуссионной группы и шла третьей по успеваемости в классе. Плюс к этому шесть футов роста, большая часть которых ушла в ноги, и золотисто-каштановые волосы. Суперуспешная, она привыкла везде и всюду получать свое.

Я не знал, что именно толкало Джинджер, но на волю случая она ничего не оставляла. Могу предположить, но это только мое предположение, что ей хотелось заполучить то внимание, что доставалось мне. Наверно, она решила, что быть вместе нам предопределено свыше.

Тут она ошиблась.

– Ты всегда носишь с собой мяч?

– Надо же руки чем-то занять.

Шаг ближе.

– Что, могут до беды довести?

– Только не с мячом.

– Ты и спишь с ним?

¹⁵ Чирлидер – участник группы поддержки. – Прим. ред.

- По большей части.
- Лайнус со своим безопасным одеялом¹⁶.
- Вроде того.
- Как-то это убого, а?
- Только если думаешь, что футбол – грех или дефект.
- Футбол – игра. В него играют, чтобы попасть куда получше.
- По крайней мере, в одном мы с тобой сходимся.
- И в чем же?
- В том, что футбол – игра.
- И?..

Я пожал плечами. Хотелось поскорее закончить.

- А ты, оказывается, молчун.
- Это игра, требующая от меня отдавать себя чему-то большему, чем я сам.
- Типа?
- Идее, согласно которой одиннадцать человек могут сделать то, что не может и нико-

гда не сделает один.

Ответ она знала, поэтому и вопрос прозвучал неискренне.

- Квотербек, да?

Я кивнул.

- Некоторые говорят, ты сейчас лучший в стране.

Я промолчал.

- Тебе все равно?

- Мне важно, что могут сделать одиннадцать человек, а не один.

Она сделала шаг и приблизила ко мне лицо.

- Ну, тогда ты просто дурак.

- Ничего не имею против.

Джинджер отвернулась и уже сделала шаг прочь, но ее остановил мой вопрос. Джинджер пыталась это скрыть, но парни вроде меня легко замечают такого рода детали.

- Ты всегда кусаешь ногти?

Она остановилась, не оборачиваясь, и сунула руки в карманы. Я подметил ее изъяз, и ей это не понравилось – об этом говорил язык тела. Однако последнее слово Джинджер хотела оставить за собой, девушка посмотрела на мяч, потом на меня.

– Позови меня, когда устанешь держать эту штуку. Я найду твоим рукам занятие интереснее.

За всю школу у нас это был самый длинный разговор.

Одри Майклз и сама занималась спортом. Бегала на восемьсот метров и на милю, работала с ежегодником, готовилась поступать в колледж, считала чирлидеров глупыми девчонками, организовала и вела «Клуб розового сада» и пару раз в начальных и старших классах отнимала у Джинджер первенство в драматическом кружке. Джинджер, разумеется, этого не забыла.

Мы познакомились в спортзале субботним утром после игры. Накануне вечером прошла игра с командой из Валдосты. Жесткая, тяжелая, под дождем. Семь раз я нарывался на блок, сорвал два тачдауна и собрал полную коллекцию пинков и тычков. К началу четвертой четверти я уже едва стоял на ногах. Утром в субботу я кое-как скатился с кровати и поковылял к машине, собираясь поехать в школу. Болело плечо, ныли разбитые до синяков ребра

¹⁶ Лайнус – персонаж серии комиксов, наиболее известен тем, что всегда носит с собой так называемое безопасное одеяло. – *Прим. ред.*

и бедра, икры то и дело сводило судорогой. На груди и спине темнели багровые кровоподтеки. Какой-то парень расцарапал ногтями шею. Мне бы даже гамбургер не позавидовал. Я ввалился в массажную, забрался на стол, и наши тренеры обложили меня льдом. Одри только что закончила свою разминку и лежала на животе на соседнем столе, листая журнал, а массажист трудился над ее подколенным сухожилием.

В какой-то момент девушка оторвалась от журнала, вскинула бровь и чуть заметно усмехнулась.

– А у тебя с чем проблема?

Я взглянул на нее краем глаза. Видеть ее мне доводилось, но мы никогда не разговаривали.

– Со всем. От головы и ниже.

Она сняла с колена пакет со льдом и положила мне на лицо.

– Хныкса.

Я убрал лед и постарался сосредоточиться на снисходительном голосе.

Одри обронила журнал и сунула руку в лежавшую рядом сумочку.

– Вы, квотербеки, такие... примадонны. Ноготь сломаете и уже требуете болеутоляющих и льда.

Голова раскалывалась, и я посмотрел на нее, с трудом разлепив веки. Среднего роста. Поджарая. Мускулистые бедра и икры. Судя по телосложению, бегунья. Короткая, как у мальчишки, стрижка. Симпатичная. Ногти на руках и ногах покрашены. Она повернулась и села, прислонившись к стене. Массажист, вооружившись ультразвуковым прибором, обрабатывал четырехглавую мышцу. Решив, что стал фокусом ее внимания, я, как оказалось, наполовину ошибся. Обращаясь ко мне, она смотрела вниз, на собственные руки, занятые вязанием или чем-то в этом роде двумя серебристыми спицами, длиной около восьми дюймов каждая. То, что выглядывало из сумочки, могло быть началом будущего свитера или шарфа. Спорить или возражать не было сил, поэтому я промолчал, опустил голову и закрыл глаза. Подумал, что если не буду развивать тему и оставлю все как есть, то и она успокоится. Не получилось.

– Не согласны, мистер Стрит-энд-Смит¹⁷ номер четыре?

Рейтинг публиковался каждое субботнее утро, и неделей ранее я значился в нем под номером семь. Тот факт, что она заглянула в список сегодня, говорил о ней больше, чем она думала. Пальцы со спицами мелькали, как крылышки колибри, что указывало на наличие у нее некоторого опыта. Камушки в его огород Одри бросала игривым тоном, то есть в каком-то смысле пыталась подружиться, но карты при этом не открывала. Подход был такой: мол, раз уж мы тут сидим, то почему бы и не потрепаться. Я мог подыграть, а мог и отказаться. Возможно, она и не знала, как со мной обошлись накануне, но что-то в ее голосе мне определенно понравилось. И это было так свежо.

– Ты забыла кое-что.

– Что же?

– Подушку.

– Подушку?

– Да. Мы же привыкли, когда нам делают еженедельный педикюр, класть распухшую голову на мягкую подушку.

Она обдумала это, покрутила спицами и выставила одну в мою сторону как пикю.

– Не двигайся, и я помогу тебе с этим.

В тот момент мы и стали друзьями. И с тех пор я любил ее.

¹⁷ «Стрит-энд-Смит» – спортивное издание.

Прошел почти год. Наш последний год в школе. В ноябре у меня был день рождения. Я не знал, что Одри тайком от меня заказала ювелиру здоровенный серебряный перстень-печатку с моими инициалами, и, чтобы расплатиться с мастером, ей пришлось взять подработку. В какой-то момент обо всем узнала Джинджер и, убедив ювелира, что Одри прислала ее за перстнем, забрала его себе.

Вечером я вошел в свою комнату, щелкнул выключателем и увидел Джинджер в поздравительном наряде – красная лента вокруг талии и серебряный перстень на указательном пальце правой руки. Картину дополняли тихая музыка и мерцание свечей. Я сказал ей, чтобы оделась и убралась, а сам вышел в коридор. Девушка накинула плащ, промаршировала через комнату и внезапно ударила меня в лицо. Перстень рассек бровь над глазом, так что в результате мне наложили семь швов. Разумеется, я этого не ожидал. И да, отвлекся. Такой вот случай, забыть о котором не давали потом ни ребята, ни Одри. Пока я стоял там, с залитым кровью лицом и распухшей бровью, Джинджер запустила в меня перстнем – он угодил в дверную раму – и вылетела из комнаты. Но этим дело не закончилось: где-то в промежутке между моим домом и школой Джинджер обзавелась «фонарем» и несколькими синяками на спине и шее.

На следующий день полицейские взяли меня после второй четверти и доставили в кабинет директора О’Шонесси для допроса. Джинджер уже была там – плакала и бросала в меня обвинения. Я все отрицал. Меня задержали на сорок восемь часов. К счастью, в ее версии появились кое-какие несовпадения, да и отметины у нее на шее не соответствовали моим лапам. Подозрения были сняты, меня отпустили, но тайна синяков осталась.

Остался и перстень. Как и вопрос, что с ним делать. Вернуть изготовленную на заказ вещь мы не могли; брать перстень никто не хотел из-за выгравированных на нем моих инициалов. К тому же Джинджер погнула его, когда швырнула в дверной косяк. В общем, ни туда ни сюда. Закончилось тем, что Одри втайне от меня стащила перстень из ящика моего комода и подарила его мне на День святого Валентина, повесив на хобот белого плюшевого слона.

Забавный гэг.

Перстень так и переходил из рук в руки, от одного к другому, когда нам хотелось посмеяться. В последний раз Одри отдала его мне перед началом заключительного колледжского сезона – повесила на руку одного из пары игрушечных дерущихся роботов, которых водрузила на пирог, испеченный по случаю годовщины нашей свадьбы. Мы снова посмеялись. Но потом, после, может быть, десятого раза, шутка с перстнем приелась. Эпизод с Джинджер начал меркнуть в памяти, и я уже начал подумывать, не сделать ли из него что-то другое, что-то значимое, представляющее нас обоих.

Окно нашей спальни выходило на парк, находившийся, как вскоре выяснилось, на миграционном пути едва ли не всех птичьих популяций Северной Америки. Иногда казалось, что едва ли не каждое направляющееся на юг пернатое существо обязательно должно пролететь под нашим окном в корпусе для семейных. Одри даже повесила для этих путешественников кормушку. Через какое-то время кормушек было уже три, а потом и пять, и мы каждую неделю покупали по стофунтовому мешку семян. Новость, должно быть, прошла по горячей птичьей линии, потому что вскоре за окном все порхало и пело. Примерно раз в неделю мы просыпались под другую мелодию и цвет оперения. Все были красивы, но ни одна не шла в сравнение с плачущей горлицей.

Примерно через пару недель после начала этой птичьей кутерьмы, уже в сумерках, на подоконник опустился и принялся расхаживать туда-сюда голубь. Одри положила голову мне на грудь, и мы вместе наблюдали за гостем – на то, что это самец, указывали голубовато-серый хохолок и пурпурно-розовые пятнышки на шее. Удостоверившись, что место безопасное, он перескочил на кормушку и склевал зернышко, освободив местечко рядом, после

чего завел свою призывную песню. Почти неслышный горловой клекот часто принимают за крик совы. Прошло несколько секунд, и с одного из стоящих в отдалении деревьев прилетела пташка поменьше. Прилетела и опустилась на ту же ветку, но на некотором расстоянии от первого пернатого. Устроившись, она потерлась о него головой и мягко пощипала клювом у шеи – у птиц такой ритуал называется принингом. Потом пара пошла дальше, и вскоре птахи уже чистили друг дружке клювы и кивали в унисон головами, что со стороны выглядело почти комично. При этом они еще и ворковали.

Картина повторялась каждое утро, причем прилет и отлет сопровождалась шорохом крыльев. Иногда во время шумного послеполуденного кормления, когда соперничество слетавшихся во множестве птах обострялось, мы замечали, что если один из нашей пары подает зов, другой ему отвечает. В шуме и суете сотен пернатых эти двое узнавали голос друг друга. Мы называли это «птичьим сонаром». Изумленная открытием, Одри углубилась в изучение предмета и узнала, что пары у голубей существуют всю жизнь.

Однажды утром, когда самец, прилетев на наружный подоконник, завел свою обычную песню, Одри тронула меня за плечо и прошептала:

– Знаешь, что это значит?

– Нет.

Она взяла меня за руку и поцеловала в щеку.

– Надежда – якорь души.

Иногда другие, более сильные и агрессивные птицы вроде ворон и голубых соек налетали на кормящихся и бесцеремонно их разгоняли. Одри такое положение дел не устраивало. Однажды, вернувшись домой с практики, я увидел, что она лежит поперек кровати с воздушным ружьем и целится в кормушку. Долго ей ждать не пришлось.

Чудесные голубиные песни радовали нас утром и вечером. Так получилось, что голубь с горлицей стали нашим символом.

Стоя у окна, под которым, мигая огнями, лежал огромный Нью-Йорк, постукивая пальцем по перевязанной лентой коробочке, Одри никак не ждала того, что получила. Она развязала узелок, подняла маленькую голубую крышечку и увидела серебряную голубку размером с пятидесятицентовую монету.

– Вау.

Когда нет слов – это хороший знак.

Одри положила голубку на ладонь.

– Не ожидала.

А вот это еще лучше.

– Сначала хотел коату, но... – Я пожал плечами.

Она рассмеялась.

– Спасибо.

Несколькими месяцами раньше я нашел в Интернете фотографию летящего голубя. Расправив крылья, он то ли садился, то ли взлетал. Я связался с ювелиром в Джексонвилле, Хью Харби, делающим вещи на заказ. Когда-то в студенческие годы Хью занимался водными лыжами, но после окончания колледжа понял, что хотя его и привлекает все, что блестит, обрабатывать металл и камень ему нравится больше, чем резать воду. Оказалось, что первое получается у него не хуже второго. Мое предложение Хью воспринял как вызов, да и сама идея показалась ему заманчивой. Над подарком для Одри мы работали вместе, и результат даже превзошел наши ожидания элегантностью и точностью деталей.

Я убрал ей за ухо прядь волос.

– Такая только одна.

– Она прекрасна, – прошептала Одри.

– Да, прекрасна. – Я смотрел на нее не сводя глаз.

Она повернулась.

– Помоги мне.

Я застегнул цепочку у нее на шее, и она прильнула ко мне спиной.

Мы стояли, глядя через наше отражение на сияющий огнями город. Это был один из тех моментов, которые говорят сами за себя. Наши пальцы сплелись. Мы стояли так несколько минут. Потом я сказал:

– Когда серебро нагревается и расплавляется, все лишнее, нечистое, то, что называется шлаком, выжигается. Из огня выходит только лучшее. Только самое чистое. – Я махнул рукой в сторону конференц-залов. – Там, куда мы пойдем... кому-то я понравлюсь, кому-то нет, кому-то буду безразличен. Мы с тобой занимаемся этим давно и знаем, в чем суть игры. Я хочу, чтобы ты знала, во всем этом значение имеешь только ты. Не числа в контракте, не мое лицо на телеэкране, не мое имя на свитере и не какая-нибудь голая красotka, рассчитывающая заставить меня одного в номере отеля.

Одри повернулась и поправила мне галстук.

– Если ты войдешь в номер и обнаружишь голую красotka, то пусть лучше это буду я.

Я кивнул.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Просто хотел напомнить тебе... нам... прежде чем начнется вся эта суeta, что для меня важно только одно – *мы*.

Я уложил серебряную горлицу в ямочку под горлом Одри.

– Ее расправленные крылья – это и посадка, и взлет. Обещание и возможность.

По ее щеке скатилась слезинка. Она опустила голову.

– Расплакалась из-за тебя.

– Такое бывает.

Она подняла голову и улыбнулась.

– У тебя – да.

Иногда в разгар игры или, может быть, сразу после, если смотреть внимательно, то можно заметить, что мы, футболисты, делаем. Такое бывает после победы или поражения или после важного матча, но прежде всего когда кто-то отдал всего себя ради другого, оставил на поле все силы. В шлеме или без него – неважно, – парни касаются друг друга лбами. Мимолетный, секундный жест. Это не бодание, это безмолвная благодарность, когда словами нельзя передать то, что нужно выразить.

Одри прислонилась ко мне, коснулась моего лба своим и обняла за шею.

– Позови – и я прилечу, – прошептала она.

В каждом конференц-зале нас встречали улыбками, рукопожатиями и объятиями. То, путь к чему занимает порой годы, случилось быстро. Каждый из нас расписался над несколькими строчками текста и ввел по просьбе представителя банка пароли для перевода семизначных сумм на различные банковские счета. Парни не верили своим глазам. Коуч Рей за пять секунд получил больше премиальных, чем за пять лет работы в прачечных и душевых. Глядя на бумаги и числа, он не выдержал, расплакался, и испортил слезами свой новый галстук, и сказал, что купит жене новую машину – первую за всю ее жизнь. Вуда, ставшего в одно мгновение миллионером, пробил холодный пот. Впрочем, он быстро оправился и взял в руки микрофон, в результате чего кто-то свалился на тележку с охлажденным шампанским. Вылетали пробки, растекалась пена, непрерывно произносились тосты, и взрослые мужчины обнимались, хлопали друг друга по спине и снова плакали. У них дрожали плечи. Воздух пропитался чувствами. Одри, счастливая и довольная, наблюдала за мной, поглаживая пальцем голубку на шее.

Перед тем как вызвать лимузин, Вуд призвал всех к тишине и поднял бокал.

– За ночь, в которую сбылись все наши мечты.

Но на Гавайи я так и не улетел.

Глава 5

Я шел где-то с час, прежде чем выдавший виды «Субурбан» проехал мимо меня, замедлил ход и остановился на аварийной полосе. Стертая запаска заменяла правое заднее колесо, лежавшее теперь на крыше. Я не узнал ни машину, ни водителя, пока он не открыл дверцу. Вуд вышел, поднял свои «костас» на блестящую лысину и улыбнулся.

Вуд встретил меня у заднего бампера и заключил в медвежьи объятия – первые объятия за долгое, долгое время. Это говорило лучше всяких слов.

Одежда далеко не новая. Колени облеплены крекерными крошками. Широкий галстук. Пожелтевший воротник. Бритая голова. Деньги, что он заработал когда-то, давно ушли. Трудные годы. Трудные мили. Запятнанный брызгами чужого скандала, он сначала лишился гламурного блеска, а потом и клиентов. Растратил большую часть сбережений, а потом и еще немало, пытаясь вернуть ушедших. Убедить, что может их представлять.

Не вышло.

Он был на два дюйма ниже меня, но значительно шире и плотнее. Тренироваться не бросил, но все равно здорово раздался в талии и выглядел фунтов на двадцать пять тяжелее своего игрового веса. Теперь Вуд держал меня обеими руками за плечи и улыбался. Никто из нас толком не знал, что сказать. Наконец я нарушил молчание:

– Тебе бы держаться от меня подальше.

Он засмеялся.

– То же самое сказала Лаура перед тем, как я выехал из дома.

– Умная женщина.

Он усмехнулся, и живот у него качнулся.

– Пошли.

Я сел и захлопнул дверцу. Вуд оглядел меня с головы до ног.

– Ну ты как? Получил цветы, которые я послал? – В машине было так же душно, как и снаружи, поскольку кондиционер не работал. Он вырулил на хайвей-90 и положил руку на панель. – Извини, что опоздал. Колесо лопнуло.

– Видел.

Перед подписанием контракта Вуд купил автомобиль, который, как ему казалось, соответствовал имиджу агента, – «Кадиллак Эскалада». Элегантный, быстрый, с мощным восьмицилиндровым мотором, кожаными сиденьями, приборной доской красного дерева, двадцатидюймовыми колесами и стереосистемой – предмет зависти будущих клиентов. За неделю до отбора Вуд сказал мне: «Людам нравится делать бизнес с людьми успешными». Он был так горд. Тонированные стекла. Климат-контроль. У него никогда не было машины с сервоприводными стеклами. Пока мы разговаривали, он все время опускал и поднимал все четыре стекла и самодовольно ухмылялся: «Имидж в этом деле не последний фактор».

Имидж пострадал, как и все остальное, и ехал он сейчас на «Субурбане», а не на «Эскаладе». У этой тачки была изношенная резина, поблекшая и облупившаяся краска, пара вмятин на крыле и царапины на капоте, коврики в пятнах, кожаные сиденья порваны, на приборной доске трещина, а заднее сиденье усеяно раскрошившимися чипсами. Машина – отражение хозяина. Его жизни.

В первые месяцы после приговора Вуд подал прошение в суд, чтобы меня перевели в Уайтграсс. Простение было удовлетворено, и он приезжал навестить меня как минимум раз в месяц. Это была единственная связь, соединяющая меня тогда с внешним миром. Я с трудом находил в себе силы поднять голову. Он разговаривал через стол. Эхо суда и приговора еще висело надо мной, а Вуд говорил те слова, которые мне так нужно было услышать:

– Мэтти, мы прорвемся.

– Зачем ты это делаешь? – спросил как-то я.

Он вскинул руки, и голос его прозвучал надтреснуто:

– А куда еще мне податься?

Все двенадцать лет Вуд привозил мне ланч. Душа моя раскалывалась, и помешать этому он не мог, но раз в месяц крепко ее сшивал.

Как же я люблю его.

Он смахнул крошки с приборной доски, бросил какой-то мусор на заднее сиденье.

– Извини за бардак. Сейчас у нас с Лаурой одна машина на двоих, пока не найду время подобрать что-нибудь. Все недосуг из-за работы.

Я не поверил, так как достаточно хорошо знал его, чтобы понять – признание далось тяжелее, чем он хотел бы показать.

Вуд нарушил молчание, заговорив о пустяках:

– Коуч Рей передает привет. Говорит, что свяжется с тобой.

– Он все еще в школе?

Вуд кивнул, не глядя.

– Говорит, у них в этом году есть перспективный парень.

– Он обо всех так говорит.

Вуд улыбнулся.

– Повезло нам.

До Гарди было двести двадцать миль. Следующий вопрос Вуд задал, не посмотрев на меня. По тону я понял, что вопрос отретпетированный, и, хотя жену его не знал, мог поспорить – спрашивает с ее подачи. И нет, я ее не виню.

– Ты, э... думал, куда поедешь?

Я показал на машину.

– А куда идет «Субурбан»?

– В Гарди.

– Я бы поехал в Гарди.

Он покачал головой, взвешивая осторожно слова.

– Не самая, пожалуй, лучшая идея.

Вуд женился на Лауре Трумен шесть лет назад. Она работала помощником секретаря суда и познакомилась, влюбилась и вышла за него замуж после того, как он все потерял. Ничего другого мне знать о ней и не требовалось.

– Это Лаура попросила тебя так сказать?

Еще одно болезненное признание:

– Да, но она права. И если ты будешь честным с собой, то признаешь ее правоту.

Вот такой он, старина Вуд – человек, который не сдался и не боится сказать правду. Он протер ветровое стекло изнутри грязной майкой.

– Когда прошел слух, что ты... ну, в общем, хорошее поведение и все такое, группа родителей, в основном матери девочек, составила петицию. Городской совет ее принял единогласно. Согласно ей, парни, – он указал на мой ножной браслет, – э... вроде тебя не должны допускаться в наш город.

Как был моим защитником, так и остался.

– Я беспокойства никому не доставлю.

Он опустил солнцезащитный козырек.

– Это ты так думаешь. – Оторвавшийся кусок потолочной обивки трепыхался на ветру в открытом окне. Широкие плечи Вуда выступали по бокам сиденья, а руль в его огромных ручищах казался игрушечным. И пусть лицо выражало озабоченность, семейная жизнь пошла ему на пользу. Я попытался отвлечь друга и показал на его брюшко.

– Лаура хорошая стряпуха?

Он потерял живот, улыбаясь, как ребенок, который нашел игрушку в коробке с овсяными хлопьями.

– Еще какая.

По федеральной автостраде до Гарди – три с половиной часа. По трассе 84 чуть больше. Вуд указал на знак I-10.

– Хайвей или... – Он ткнул пальцем в знак US-84 – магистрали, соединяющей юго-восточное побережье Джорджии с западом штата, что-то вроде шоссе 66 для южной Джорджии. Оно бежало вдоль южной оконечности штата, останавливаясь во всех городках и у каждого светофора по пути.

– Ты торопишься? – спросил я.

– Не особенно.

Я показал вправо, и Вуд послушно последовал за моим пальцем на трассу 84.

Мы ехали в молчании, на максимально разрешенной скорости, избегая болезненных тем. Когда Вуд, наконец, заговорил, слова явно дались ему с трудом. Он вытянул правую руку и положил ее на мой подголовник:

– Я не знаю, где она. – Я посмотрел на него краем глаза. – Никто не знает. – Он быстро взглянул на меня. – Ей-богу, никто не видел ее после суда.

Так оно и было. Она исчезла. Только это я и знал. В памяти, как вспышка, мелькнула картина из зала суда, когда меня выводили из зала в наручниках. Эхо ее прорвавшегося рыдания. Одна из самых мучительных фотографий в моем мысленном альбоме – та, на которой она скрючилась, держась за живот, как будто ее пнули ногой или полоснули ножом, словно душа ее вытекает между пальцев. Она так и не подняла головы, не посмотрела на меня.

Вуд поерзал на сиденье, поменял положение рук на руле.

– Ты можешь потратить на поиски всю оставшуюся жизнь.

– Знаю.

Ничего не добившись, он попробовал зайти с другой стороны:

– Тебя ничто не привязывает к Гарди. Может, и правда было бы лучше начать все заново где-то на новом месте.

Я поднял ногу, продемонстрировав браслет. Он не ответил. Почесал живот, потом стиснул мое плечо и бицепс.

– Да ты отощал. Похоже, чизбургер не помешает.

Накануне вечером я съел рагу с кусочком белого хлеба и выпил стакан воды.

– Чизбургер – неплохая идея.

Через несколько минут он остановился у придорожной забегаловки. Мы сели за маленький круглый стол, официантка на роликах приняла заказ и исчезла. Спутниковый радиоканал «Ответный удар» транслировал дорожное ток-шоу. Музыкальную тему позаимствовали из фильмов про Рокки. Гостем шоу была успешный адвокат по правам жертв преступлений, которая давала юридические советы и делилась своими знаниями и опытом со слушателями каждый будний вечер – три часа в прайм-тайм. Доброжелательная, компетентная, она умела четко выражать мысли и легко заводилась. Слушатели ее любили. Ее рейтинги зашкаливали уже не один год.

И мы с Вудом знали ее слишком хорошо.

Шоу продолжилось. Джинджер начала с того места, где остановилась перед рекламой. Я слышал ее, и Вуд знал, что я ее слышу.

– Прости. Она стала здорово популярна. Такое впечатление, что ее шоу идет круглыми сутками семь дней в неделю... – Он махнул в сторону трассы 84.

– Хочешь, поедem в какое-нибудь другое место?

– Она меня не беспокоит.

– Ее голос... – Вуд мотнул головой. – Всегда возвращает меня в зал суда. Вот уж где она устроила настоящее шоу. – Когда до него дошло, что это воспоминание, наверно, более мучительно для меня, чем для него, он справился с собой: – Извини. – Он сглотнул. – Ты следил за ее карьерой?

– Я же был в тюрьме, а не на Марсе.

– Ну что ж, на случай, если что-то пропустил, я восполню пробелы. Она защитилась по психологии, или психиатрии, или еще психо-чему-то там. Отучилась на юридическом в Гарварде. Была третьей в своем классе. Точно. – Он показал три пальца. – Номер три. Сбросила овечью шкуру, бралась за несколько громких дел, ни разу не проиграла в суде, любит заседать в жюри и обожает светиться в СМИ. Написала парочку бестселлеров. Называет себя «неофициальным представителем жертв». Сейчас выступает под именем Энджелина Кастодиа. Это...

– Я знаю, что это значит.

– Ангел-хранитель, – все же вырвалось у него. И в школе, и в колледже мы с Вудом вместе смотрели много записей игр. Таким способом знакомились с противником, чтобы выработать совместный план игры. Если учесть, что мы вместе сыграли больше сотни игр, то записей смотрели много. Вуд, бывало, не упускал ни одной возможности указать на игроков из команды соперников, склонных к агрессии, тех, кто может попытаться оторвать мне голову для того, чтобы я держался от них подальше, чтобы понимал, что поставлено на карту, и чтобы ненавидел их точно так же, как они ненавидят меня. Для Вуда линия скримиджа¹⁸ была линией, начерченной на песке, и его реакция во время просмотров отражала манеру игры – страстную, черно-белую, без полутонов.

Мой вечный дефендер, он принимал мою защиту близко к сердцу и никогда не мог понять, почему я не злюсь на этих людей так, как он. Еще одно доказательство, что у каждого своя роль. У каждого своя позиция. Я – не центр, а он – не квотербек. Это не констатация нашей значимости, а просто констатация наших способностей. При всей моей любви к нему я не мог позволить себе играть со злостью тогда и не мог позволить себе жить со злостью сейчас. Описание взлета Джинджер по жизненной лестнице успеха за то время, пока я был похоронен под ней, очень напоминало один из тех просмотров. В глубине души Вуд хотел, чтобы я, выйдя из тюрьмы, отправился на войну с Джинджер. Втоптал ее в землю. Я знал это. Он никогда не видел меня проигравшим, и ему было тяжело на это смотреть.

Он показал на динамики.

– Когда она не выступает на радио, то мелькает в телевизоре. И если ты считал, что она корчила из себя королеву в школе, то были еще цветочки. Сейчас она разъезжает со свитой. Собственный стилист, охрана, личный тренер, менеджер. У нее такой огромный, черный, сделанный на заказ автобус, который стоит, говорят, под три миллиона. – Он взмахнул рукой. – С надписью блестящей голубой краской «Энджелина». Она известна своими разездами и ведет прямую трансляцию с улиц, из судов, Центрального парка – отовсюду, где может пустить пыль в глаза. – Он откинулся на стуле, кивнул. – Девчонка из маленького городка, ставшая знаменитостью. – Снова кивок. – В прошлом году была в десятке самых влиятельных женщин по версии «Форчун». На обложке журнала фотография, где она стоит перед собственным «G5». Можешь догадаться, что было нарисовано на хвосте самолета.

– К блоку Д у нее особый интерес. – Я покачал головой. – Если к кому-нибудь из парней попадал в руки мобильный, он звонил ей и звал на помощь. Она подыгрывала.

– Думаешь, знала, что ты был там?

¹⁸ Линия скримиджа (line of scrimmage) – нейтральная территория, где находится мяч в начале игры. – Прим. ред.

– Каждый год я получал неподписанную открытку из какого-нибудь экзотического местечка, адресованную «Мэтью Року» и проштемпелеванную в день годовщины драфта. Послание вполне ясное. – Я полез в карман, достал открытки и протянул ему.

Он сосчитал вслух.

– Двенадцать. – Покачал головой. На одной из открыток были запечатлены пальцы ног на фоне голубой лагуны, водопада и пышной зелени. На переднем плане женский купальник – верх и низ. Намек довольно прозрачный. – М-да. – Он вернул мне открытки.

Принесли наши бургеры. Вуд откусил кусок, отправил следом горсть жареной картошки и заговорил с набитым ртом, тыча чипсом в мою лодыжку.

– Можешь поспорить на свой чизбургер, она знает, что ты вышел. Учитывая ее влияние, не удивлюсь, если у нее есть датчик GPS для этой штуки.

Еще один камешек в мой огород.

– Знаю.

Он проглотил, помолчал и понизил голос.

– У тебя есть план, как с этим разобраться? Я имею в виду все, что было. – Иногда во время наших учебных просмотров Вуд выходил из роли моего центра и входил в роль координатора нападения, предлагая комбинации или схемы, дабы убедиться, что я вижу очевидное и знаю, какова ставка. По большей части он просто громко разглагольствовал, потому что от этого ему становилось легче. Я убедился, что лучше дать ему выпустить пар.

Но сегодня было иначе. Сегодня я вышел из тюрьмы, и Вуду надо было снять камень с души. Рана кровоточила двенадцать лет. Если бы он смог убедить меня выказать страсть, гнев, ярость против машины, которая несправедливо осудила меня, ему стало бы легче поверить в мою невиновность. Я вскинул бровь.

– В самом деле? Так вот, значит, как обстоит дело?

Еще один укол.

– Двенадцать лет сидеть и видеть, как проходит жизнь. Это долго.

– Если ты пытаешься помочь, то толку от такой помощи никакой. – Я доел бургер. Он долго смотрел на меня, наконец покачал головой.

– Думаю, ты до конца не осознал, что она сидит на вершине горы, а ты похоронен под ней.

Я вытер уголки рта салфеткой.

– Ты хочешь, чтобы я бил себя в грудь?

– Не помешало бы.

– Кричал на каждом углу? Рассказывал всем, как она меня подставила?

– У людей могла бы появиться причина поверить тебе.

– И чего я этим добьюсь?

Молчание.

– Вуд, постарайся посмотреть на это с моей стороны. Я не собираюсь защищать свое имя или репутацию, строить свою давно потерянную карьеру или завоевывать людское обожание и доверие.

Вуд взглянул на мою пустую коробку из-под бургера, и тон его смягчился.

– Хочешь еще один?

Я покачал головой.

Он вытер жир с подбородка, а я обратил внимание на его ладони и руки. Они потемнели от въевшегося машинного масла, как будто он оттирал его, но налет остался.

– Ты по вечерам подрабатываешь автомехаником?

Он отмахнулся. Сменил тему.

– Просто поддерживаю форму. – Он ткнул в меня пальцем. – Кстати, о форме. Тебе надо бы съесть еще три штуки и два сунуть в карман. Старик, ты здорово отошал.

Вуд заказал два молочных коктейля, и мы сидели и ждали. Это получалось у меня лучше, чем у него. Голос Энджелины Кастодиа лился на нас из динамиков: соблазнительный, с хрипотцой, отшлифованный, сдержанный. Уверенности ей всегда было не занимать, но с тех пор ее заметно прибавилось.

Глядя в сторону, Вуд почесал подбородок.

– В последнее время о тебе много говорят в новостях. – Он помолчал, давая мне как следует вникнуть в услышанное. Хотел получить ответ, но я знал, к чему он клонит, поэтому ничего не ответил. На этот раз Вуд посмотрел на меня.

– Один из надзирателей в Уайрграссе дал интервью Джиму Нилзу. Он сказал, что ты делал больше чем по три тысячи отжиманий и приседаний зараз. Сказал, ты делал полноценную разминку. Пресса безумствует по этому поводу. Пишут, что ты успешно идешь к цели. Это правда?

– Надо же было чем-то занять себя.

Вуд вытащил воскресный выпуск «Атланта джорнэл конститьюшн» и положил передо мной.

– Тебе посвящена большая часть первой пары страниц.

Я пробежал глазами статью. Заголовок гласил: **УПАВШАЯ РАКЕТА ПОПЫТАЕТСЯ СНОВА ВЗЛЕТЕТЬ?**

Вуд продолжал:

– Два дня назад на спортивном канале показали двухчасовой документальный фильм. Он назывался *«Лучший, никогда им не бывший»*. Они опросили с дюжину парней, которые все еще считают тебя лучшим игроком. НВО¹⁹, говорят, приложил к этому руку. И один из главных кабельных каналов говорит о реалити-шоу.

– А что они собираются показывать?

– Твое возвращение.

Я покачал головой и ничего не сказал.

Он наклонился ближе.

– Кто-то незаконно добыл копию записей камер слежения с тобой в тюрьме. На ней ты бегаешь сорокаметровку в темноте. Все они засекают время в четыре с половиной секунды. Парочка – четыре и четыре. – Я ничего не сказал. Он откинулся на стуле. – И потом, есть еще одна штука, которая заставляет всех пускать слюни. Это видео, где ты перебрасываешься мячом с охранником и делаешь бросок ярдов на пятьдесят через какое-то окно во двор для прогулок. Группа экспертов изучила его и сказала, что, возможно, есть еще только один игрок в лиге, который мог бы сделать такой бросок. Может, их и за все время только с полдюжины и наберется. Они взяли интервью у того охранника. Пейдж... Сейдж...

– Гейдж.

– Точно. Он рассказал, что вы вдвоем бросали каждое утро. Сказал, что он вставлял бумажные стаканчики в ограду на расстоянии сорока ярдов, и ты попадал в десять из десяти. – Вуд сложил руки. – Ты правда думаешь вернуться в игру?

Я попытался остановить его, пока он совсем не разошелся.

– Вуд, мне тридцать три. Я – преступник, отсидевший срок за изнасилование, которому нельзя подходить ближе чем на пятьдесят футов к детям, школам, детским учреждениям, торговым центрам или кинотеатрам. У меня есть приблизительно восемнадцать часов, чтобы зарегистрироваться по месту проживания, прежде чем Большой Брат явится меня искать. – Я покачал головой. – У меня в голове сейчас только одно, и это не футбол.

Мы пили коктейли в молчании. Прошла пара минут. Вуд не поднимал глаз. Допив, высосал остатки. Тон сменился.

¹⁹ НВО – американская кабельная и спутниковая телевизионная сеть.

- Мэтью, мы знаем друг друга давно, верно?
Я кивнул.
– Вместе пережили многое.
Еще кивок.
– Ты был там долго.
Я ждал.
– Ничего не хочешь мне рассказать?
– Ты имеешь в виду, что, быть может, двенадцать лет смягчили меня, привели в чувство, и я, наконец, захочу признаться в чем-то, что горячо отрицал двенадцать лет назад?
На этот раз кивнул он.
Я понимал, что ему надо было это сделать. И еще знал, что хочу подавить это в зародыше.
– Нет.
– Но ты по-прежнему не можешь этого доказать, так?
– Мы это уже проходили.
– А как насчет той пленки, что у них была?
– До сих пор не могу этого объяснить.
– Семь разных камер показывают, как ты выходишь из фитнес-центра с ней, а потом, шатаясь, как пьяный матрос, выходишь из лифта и вваливаешься к ней в номер.
– Я видел видео.
– А как насчет другого видео? Того, которое нашли в номере?
Я не ответил.
– Это же видеозапись. Дымящийся пистолет.
– Это не я. Я этого не делал.
Он откинулся на спинку стула.
– Даже твоя жена признала, что человек на записи похож на тебя. – Вуд наклонился: – Ты помнишь, что она сказала, когда они заставили ее смотреть это перед присяжными?
Я помнил.
– Да.
– Это по-прежнему твое слово против ее и... послушай, тебя долго не было, ты не знаешь. Ее слово сейчас куда более весомо, чем твое. Возможно, весомее, чем твое когда-либо было.
– Значит, ты хочешь, чтобы я сказал, что сделал это, только бы они от меня отвязались и чтобы все это закончилось?
– Признание дало бы тебе больше шансов на отборе, чем упорное отрицание вины.
– Я не хочу никаких отборов.
– Объяснишь ДНК?
– Не могу.
Вуд помолчал.
– Старик, серьезно. Все те видео, две других свидетельницы...
Я поправил его:
– Две азиатские проститутки, которые не говорили по-английски. Они говорили с жюри только через переводчика, и все вопросы были наводящими.
Вуд прервал меня:
– Они обе указали на тебя, когда судья спросил, рядом с кем они проснулись в номере отеля.
– Потому что так оно и было, – сказал я.
– Ты этого не отрицаешь.

– Разумеется, нет. Они были там, когда я проснулся. Я был удивлен не меньше, чем они, но это не значит, что я сделал то, что они сказали.

Он продолжал:

– Одной из них даже не было шестнадцати, а другой едва исполнилось семнадцать. – Он изобразил пальцами кавычки: – «Несовершеннолетние проститутки все равно несовершеннолетние».

– Вуд...

– А как насчет того, – он показал на динамик над нами, – что она сидела там и излагала все как по писаному? Откуда она взяла подробности? Она знала такое, что могла знать только Одри. И у нее не было причины лгать. Я не...

– Вуд, суд закончился двенадцать лет назад. Ты хочешь заново открыть дело?

Он ткнул пальцем в сторону трассы.

– Суд в зале суда закончился, но суд общественного мнения заходит на новый виток. – Он покачал головой. Я дал ему закончить. – Ты понимаешь, что в словаре Уэбстера под определением «виновен все всяких сомнений» стоит твоя фотография?

– Знаю.

Вуд продолжал, но стал уже сгущать краски:

– Посмотри слово «извращенец», и найдешь там ту же фотографию.

Я нахмурился.

– И ты ничего не имеешь против?

– Я не сказал, что ничего не имею против. Сказал просто, что понимаю свое положение.

Во время суда последним гвоздем в крышку моего гроба стала не лучшего качества видеозапись, которая хотя и держалась в строгой секретности, каким-то образом просочилась в прессу и получила название «неопровержимой». Увидев ее в первый раз, Одри сказала: «Это все равно что смотреть, как умирает моя душа».

Я допил молочный коктейль. Вуд хотел было еще что-то сказать, но я опередил его:

– Какой эпизод показали в конце той записи?

Он кивнул и отвел глаза.

Я продолжал:

– Сколько снэпов мы с тобой сделали вместе?

– Что?

– Сколько раз ты вкладывал мяч мне в руки?

– Включая тренировки?

– Да.

– Тысячи.

– А из них сколько довели до цели?

Он на секунду задумался.

– Больше половины, это уж точно.

– А почему мы это делали?

– Потому что ты мог угадывать тактику защиты лучше, чем кто-то другой, и видел то, чего никто не видел.

– Даже если это так, у меня должна была быть причина, так что же это была за причина?

– Обмануть противника.

Я наклонился над столом.

– Существует разница между тем, что ты видишь, и тем, что есть.

– Даже если то, что ты говоришь, правда и она все это сфабриковала, причем так хорошо, что никто бы не смог лучше, единственный способ вернуть твою жизнь – это заставить ее признаться перед судьей, что она солгала, а твои шансы, что это случится, равны нулю.

– Я не собираюсь охотиться за ней, Вуд.

Он наклонился ко мне.

– Брось, Ракета, старик... ты можешь и не охотиться за ней, но тебе надо понять, что, пока тебя не было, люди не забыли. И уж точно не простили.

– Ты хочешь, чтоб я вернулся в Уайрграсс и постучал в двери? Узнал, не примут ли меня назад?

– Может, для тебя так было бы лучше. – Вуд поиграл с ключами от машины, лежащими на столе. – Даже если тебе и не нужна правда, давай представим на три секунды, что ты и вправду найдешь Одри. Можешь поспорить на свою бросковую руку, что ей-то уж она точно нужна. Рано или поздно тебе придется столкнуться с этим.

Он был прав, и я это знал. Я подпер голову руками.

– Сначала ее надо найти.

Глава 6

Два часа спустя Вуд въезжал в Гарди. Дождь лил не переставая, по обочинам бежали ручьи. Он остановился перед железнодорожными путями прямо на въезде в город и заглушил мотор.

– Хочу пригласить тебя на обед, но Лауре надо немного времени... – Он покачал головой. Признание далось ему мучительно.

Я положил руку ему на плечо.

– Она защищает тебя. Тебе стоило бы послушать ее. Я, вероятно, сделаю то же самое. – Я вышел. – Спасибо за сегодняшний день.

– У тебя есть план?

– Ну... – Я усмехнулся. – У меня нет ни денег, ни дома, ни машины, ни карьеры, ни жены, ни семьи, и, насколько мне известно, один-единственный друг, который не знает, верить ли тому, что я говорю.

Он махнул вперед, вдоль железнодорожных путей.

– Я погонял пауков. Заготовил дров. Консервы в кладовке. В холодильнике немного яиц. Газовый баллон полный. Оконная рама сломана, так что спать будет то еще удовольствие, но вентилятор работает. Можешь заклеить скотчем дырки в сетках, чтобы москиты не налетели. И если понадобится одежда... Когда Одри исчезла, я собрал то, что осталось от твоих вещей, и сложил в тот кедровый сундук на крыльце. Справа от него стоит старый байк. Он чихает, но доставит тебя куда понадобится.

Прадедущка Вуда занимался выращиванием табака на нескольких сотнях ярдов, прилегающих к Сент-Бернару. Бизнес достиг своего расцвета при дедушке, а потом, при отце, пришел в полный упадок. Когда наступили тяжелые времена, у Вуда не поднялась рука продать участок, и он остался без денег, но с землей. Я всегда восхищался тем, что, лишившись своего бизнеса, он все же сохранил землю. Вдобавок к выращиванию табака дедушка увлекался изготовлением самогона, который варил в хижине, построенной на участке. Дом располагался, как ни странно, неподалеку от железной дороги, а хижина находилась посередине участка, и грунтовая дорога, ведущая к ней, заканчивалась воротами. В пятничные вечера, после игр, многие из нас валились на спальные мешки рядом с топящейся железной печкой. Я улыбнулся.

– Спасибо.

– Тут тебе будет мало-мальски спокойно. Держись подальше от папарацци. – Он усмехнулся. – И говорю как твой поверенный, потому что знаю, что ты не можешь такового себе позволить, это законно в смысле расстояния до школы.

– Это успокаивает.

– Э... – Он поднял палец и покачал головой. – Пожалуй, тебе не стоит заходить в амбар. – Он вручил мне официального вида бумагу из пачки, засунутой между ветровым стеклом и приборной доской, которая, как я подозревал, исполняла еще и роль письменного стола. Я пробежал письмо глазами.

– Что это?

– Примерно полгода назад учителя застукали там каких-то пацанов за курением «травки». Чтобы отвлечь внимание от своего пристрастившегося к наркоте дитяти, один из родителей поднял шумиху из-за состояния амбара. Власти округа все разнюхали, согласились с родителем и сказали мне, что это потенциальное судебное дело. – Вуд пожал плечами. Он как будто говорил сам с собой. – Если бы они там не лазили, то и опасности бы никакой не было, но, несмотря на пять десятков развешанных повсюду желтых предупреждающих

знаков, я все равно почему-то виноват в том, что их дети без спросу проникают на территорию и курят «травку».

Я рассмеялся. Он продолжал:

– Чтобы убедиться, что они донесли до меня свою позицию, власти прислали мне, – он махнул на бумагу у меня в руке, – заказное официальное письмо, уведомляющее, что я должен снести амбар, иначе они возбудят дело, и я потеряю свою землю. И теперь я каждый месяц получаю новое.

– Так амбар все еще стоит? Он же грозил рухнуть, еще когда мы там бегали.

– Власти явно согласились бы с тобой, а учитывая его близость к школе и зная, что мальчишки любят ошиваться возле него...

Я ухмыльнулся.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Власти талдычат, что его надо снести.

– Так за чем же дело стало?

Он втянул воздух сквозь зубы и покачал головой.

– Это сложно объяснить.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты сам увидишь, когда откроешь дверь. И, к твоему сведению, я не имею никакого отношения к тому, что ты там найдешь. Как и Рей. Оно просто появилось пару лет назад, и каждый месяц возникает что-то новое. Это как в «Иеремии Джонсоне», когда индейцы оставляют всякие вещи в его старом доме, где живет сумасшедшая леди. Никто не видит, как они приходят и уходят, вещи просто появляются. – Он помолчал, явно, собираясь с духом, чтобы сказать то, что вертелось на языке. Наконец взял бумажку с приборной доски и протянул мне.

– Лаура тут покопалась. Нет никаких записей – вообще никаких – об Одри Райзин ни в южной Джорджии, ни в северной Флориде, нигде поблизости. – Он взглянул на меня и отвел глаза. – Она проверила и под именем «Лаура Майклз». – Он покачал головой.

Дождь заливал мне плечи. Я постучал по крыше машины, не зная, что сказать. Где найдешь друга, который не отвернулся от тебя, даже когда большинство считает тебя извращенцем. Тем более такого, который верит.

– Вуд, спасибо.

Его глаза увлажнились.

– Ты очень скоро узнаешь, что я несколько тебе не помог. – Он махнул рукой в сторону города, не подозревающего о моем возвращении. – И если ты думал, что они любили тебя тогда, подожди, когда увидишь, как они ненавидят тебя сейчас. – Он завел мотор, но не тронулся. – Мой офис в старом Мейтер-билдинг. Второй этаж. Я... – не глядя на меня, он пожал плечами, – занимаюсь оформлением поручительств. Из моего окна видна тюрьма. – Еще раз пожал плечами. – На оплату счетов хватает. По крайней мере, большей их части. – Вуд полез в карман и протянул мне скомканные деньги. Грязные двадцатидолларовые бумажки. – Тебе это понадобится. – Для него сумма была, должно быть, немалая. Может, все, что было. Я отмахнулся.

– Не надо.

Он протянул во второй раз.

– Бери, бери. Тебе же надо...

Я вскинул руку останавливающим жестом.

– Лаура права. Будь умнее. Держись от меня подальше.

Он постучал себя в грудь, и глаза заблестели от слез.

– Когда я закрываю глаза и вспоминаю самые плохие и тяжелые времена в своей жизни, я вижу, как ты смотришь на меня. Говоришь мне, что я могу сделать то, о чем никогда и не

мечтал. – Пауза. – Что бы я ни делал, не могу заставить себя ненавидеть тебя. – Он покачал головой и посмотрел на перстень за победу в национальном чемпионате. Мы с ним вместе выиграли семь чемпионатов: четыре в старших классах школы и три в колледже. Кольцо, которое он носил, было с нашего последнего.

Мне кое-что вспомнилось, хорошее. К концу третьей четверти мы проигрывали тринадцать очков. Нам требовалось дважды пересечь линию ворот, а противник просто убивал нас. Их передний защитник мотал Вуда, как тряпичную куклу. Я стоял в хадле, не зная, что делать. Вуд никогда не давал мне никаких указаний, но в тот момент он просто спятил от злости. Наклонился, схватил меня за свитер и прохрипел:

– Когда брошу мяч, вали за мной.

– Вуд, он же размазывает тебя, как масло по бутерброду.

– Ты, главное, держись, – бросил он решительно и со злостью. – Сейчас я покажу этой деревенщине его место.

Сказал – сделал. Когда Вуд бросил мяч на шестиярдовой линии, я втянул голову в плечи, а он ломанул вперед, прокладывая путь напрямик к линии ворот и увлекая за собой всю защиту соперника. В проломленную им брешь можно было въехать на грузовике.

И уже только после игры я узнал, что он сломал левую руку – в первой четверти.

У Вуда всегда был высокий болевой порог.

Теперь, сидя на переднем сиденье своего «Субурбана», он ощущал, как ему было больно. Он вытер нос рукавом рубашки.

– Я вспоминаю суд и... – Вуд стукнул по рулю, – не могу совместить парня, которого я знал, с тем, которого привлекли к суду.

В этом он был не одинок. Я ждал, ничего не говорил.

По его щеке скатилась слеза.

– Мэтью, эти люди готовы оторвать тебе голову, облить бензином и поджечь заживо.

Я кивнул. Я это знал.

– Ты или последний мерзавец, который лгал своей жене, друзьям и самому себе. В таком случае двенадцатилетнего срока мало, вообще любого срока мало, и один Бог тебе судья. Или кто-то по причинам, которых я не могу постичь, – его огромная лапища стукнула по консоли между сиденьями, – сделал это с тобой. Украл то, что у тебя было, и все, что когда-нибудь будет. – Он вытер лицо рукавом. – И я не уверен, какой сценарий хуже. – Боль растеклась у него по лицу. – У меня было двенадцать лет, чтобы обдумать это, и я ничуть не приблизился к пониманию. – Его голос зазвучал громче. – И сегодняшний день совсем не помог. Кажется, будто всего пять минут назад ты бросил тот бексайд Родди в эндтовую зону. Я нес тебя на плечах вокруг поля. Люди держали плакаты, на которых было написано: «РАКЕТУ В ПРЕЗИДЕНТЫ» и «РАКЕТА, ЖЕНИСЬ НА МНЕ». Мамочки называли своих детей в твою честь. Девяносто шесть тысяч болельщиков скандировали... – Его голос упал до шепота. Он смотрел сквозь ветровое стекло в наше общее прошлое. – РАКЕТА! РАКЕТА! РАКЕТА! – Вуд закрыл глаза. Потом все же взглянул на меня. – Пусть я легковверный дурак, пусть я городской сумасшедший, но я был твоим другом тогда. Я твой друг сейчас. И всегда им буду.

Когда он уезжал, одна задняя фара погасла. И я услышал собственный шепот:

– Как же я люблю этого парня.

Глава 7

До городка было рукой подать. Я видел вспыхивающие буквы вывески «Залоги и поручительства» над офисом Вуда. Тринадцать лет назад городской совет принял резолюцию, провозглашающую первый день футбольного сезона в колледже как «День Мэтью Райзина». Они также заказали придорожные щиты в мою честь, а поскольку ужасно гордились одним из них, то решили сделать его постоянным, так сказать, на века. Основание было кирпичным, а сам знак размером с фордовский грузовик. Надпись на нем гласила: «Родина Мэтью Райзина, Ракеты, самого именитого, самого титулованного игрока в истории американского школьного футбола, двукратного обладателя кубка Хайсмена, трехкратного победителя национального чемпионата, трижды признававшегося самым ценным игроком серии чемпионских боулов».

Поставленный на недостижимое и прочное основание знак возвышался не меньше чем на двадцать футов. К моему еще большему смущению, город за немалые деньги налогоплательщиков заказал бронзовую статую, изображавшую меня в завершающей стадии броска. Вместе с основанием высота статуи составляла десять футов, а весила она около тонны. В день открытия в окружении журналистов и почти всех жителей Гарди и его окрестностей мэр вручил мне позолоченный ключ от города и попросил сказать несколько слов. В ту ночь мы с Одри забрались на основание знака с тыльной стороны, сидели наверху, болтая ногами над буквой «Т» в слове «Ракета», и ели клубнику.

Блеск быстро потускнел.

Во время суда кто-то краской из баллончика написал: «Номер 1 в драфте НФЛ и аттестованный насильник». После моего осуждения перед городским советом встал вопрос: что делать со щитом? И, учитывая граффити, ждать было нельзя. Совет проголосовал убрать щит, но в отношении статуи мнения разделились. Обе стороны согласились, что я опозорил город, но одна половина считала, что, принимая во внимание расходы, городу следует просто переименовать статую в честь «футболиста» и воспринимать ее как простое признание величия игры. Сделать, так сказать, лимонад. Этот аргумент победил, и проигравшая сторона быстренько дала победившей то, о чем та просила. Под покровом темноты кто-то привязал к статуе цепь. Однако, изготовленная на совесть, статуя оказалась гораздо крепче, чем предполагалось: когда грузовик тронулся, цепь натянулась, но туловище не поддалось – оторвалась только голова. К тому времени людям уже надоело об этом говорить, и никому по большому счету не было дела, есть у статуи голова или нет. Большинство считали это подходящим. За годы вандалы разрисовали краской части моего тела, потом кто-то вернулся с цепью и оторвал обе руки: бросковую по плечо и вторую чуть выше локтя. Дабы окончательно прикончить меня, этот кто-то взял отбойный молоток, или бензопилу, или еще что и порезал туловище и ноги. Подходящая картина. Пока я смотрел на свое безголовое, безрукое, истерзанное тело, пошел мелкий дождь.

Добро пожаловать домой, Мэтью.

Городок Гарди возник и вырос на табаке – сигарном листовом табаке – и достиг процветания на его экспорте. Сезон начинался в мае, когда молодые растения подвязывали к проволоке, направлявшей их наружу и вверх. Над посадками натягивали матерчатые навесы из суровой марли для увеличения влажности и защиты растения от прямых солнечных лучей. Для растений создавался более устойчивый климат, но работать в такой жарнице и духоте было сущим адом. Фермеры и работники все лето ухаживали за посадками, пололи, обрезали, боролись с табачным червем, а в конце лета собирали урожай. Собранные листья сшивали, нанизывали на решетки и подвешивали сушиться на стропилах огромных амбаров, которые имели приблизительно пятьдесят футов в ширину и сто пятьдесят в длину. Семья

Вуда, кроме того, держала скот, поскольку навоз на плантациях использовался для удобрения почвы. Для прокорма скота они выращивали кукурузу и арахис и кормили коров в амбарах, а ореховую шелуху использовали в качестве подстилки. На двадцать акров посадок шло в среднем триста тонн навоза.

Табачная отрасль достигла своего расцвета в пятидесятых-шестидесятых годах, с последним «ура» в 1961-м. В условиях иностранной конкуренции и страшной засухи большинство фермеров, включая Джексонов, разорились. Осталась только земля.

И амбар Вуда.

Табак ушел, но две противоборствующие силы остались. Первая обосновалась на Амен-корнер, или пересечении Мейн-стрит и Черч-стрит, где Пресвитерианская церковь и Первая баптистская церковь, Методистская церковь и церковь Христа, стоя лицом друг к другу, вели тихий спор. Оппозиционная сила, или нелюбимая падчерица, занимала акров пятьдесят на окраине города по соседству с землей Вуда. Церковь Святого Бернара Клервуского была не только храмом божьим, но и школой, сиротским приютом, монастырем и стояла, относительно изолированная и заброшенная, за двадцатифутовой кирпичной стеной до той поры, пока двадцать пять лет назад один из священников не решил дать выход энергии сирот и выставил футбольную команду. Баланс сил на Амен-корнер оставался относительно неизменным года три, пока «Святые» из обители не начали выигрывать. А они выигрывали, да так, что добрые соседи на Амен-корнер тихо взялись за дело, помогли построить стадион при Сент-Бернаре и стали горячими приверженцами хорошего католического образования. На уроках истории мы, бывало, с удивлением узнавали о войнах, которые велись во имя Господа и религии, когда для достижения мира требовалось только травянистое поле, несколько потных мальчишек и кусок свиной кожи. И хотя расхождения оставались большие – относительно Святой Девы Марии, истинной природы хлеба и вина при причастии, роли святынь, происходящего во время крещения и «правильного» проведения обряда, кто окажется на небесах и где Господь пребывает по утрам в воскресенье, – все единодушно сходились в том, где Он проводит свои пятничные вечера. И в эти пятничные вечера синекудрые красавицы из баптистской церкви, расхлябанные методисты, воздержанные пресвитерианцы и тихие как мышки прихожане церкви Христа прекрасно ладили с поклоняющимися Деве Марии, читающими молитвы, перебирающими четки, преклоняющими колена, поедающими тело Иисуса и пьющими Его кровь католиками.

Между Сент-Бернаром и Амен-корнер находилось относительно непримечательное здание суда. Непримечательное до тех пор, пока четырехнедельный суд надо мной не принес Гарди мировую известность. Если судья Блэк и пребывал в замешательстве, то жюри присяжных, большинство из которых я знал всю жизнь, воззрело на меня с презрением и сотворило правосудие, к которому призывала страна. И хотя жители Амен-корнер с одобрения Господа поддержали вердикт, баланс сил не изменился. Пока фонари зажигались по пятничным вечерам, католики побеждали – все благодаря группе неугомонных мальчишек с горящими глазами.

Земля Вуда граничила с одной стороны с Сент-Бернаром, а с другой – с принадлежащей властям автомобильной свалкой, тоже почти пятьдесят акров, называемых «кладбищем». Власти прекратили свозить туда хлам двадцать лет назад, но до этого почти шесть десятков лет там находили последнее упокоение сломанные и выброшенные машины – от огромных кранов, которые когда-то работали на строительстве небоскребов, и самолетов времен Второй мировой войны до мусоровозов, тракторных прицепов, старых «шеви», пожарных машин и барж. Помню, в детстве мы даже нашли гусеницу от танка. Когда горизонтальная территория закончилась, кладбище начало расти вертикально. За десятилетия образовался целый лабиринт из тысяч машин и тонн оборудования, наваленных друг на друга. В некоторых местах эти горы поднимались на тридцать-сорок футов. Во время строительства одной

из федеральных трасс на свалку привозились и сгружались кучи земли, в результате чего образовалась целая гора, перемешанная с бамперами, капотами и старыми «Фордами», которую стали любовно называть «Ржавое Ведро» или просто «Ведро». Тыльная сторона была слишком крутой, чтобы взойти на нее или взбежать: приходилось взбираться на четвереньках, буквально переступая с крыла на дверную ручку, а передняя образовывала что-то вроде наклонного съезда, только в три раза круче. И если не считать знаков «ВХОД ВОСПРЕЩЕН – НАРУШИТЕЛЯМ ГРОЗИТ ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ», это было потрясающее место для игр. Вместе с другими мальчишками я проникал на запретную территорию ежедневно, а иногда и по несколько раз в день, и взбирался на ту гору. С вершины – с высоты около ста пятидесяти футов – прекрасно просматривалось футбольное поле, и оттуда можно было наблюдать за игрой.

Что мы и делали.

Я натянул на голову капюшон спортивной кофты и пошел по железнодорожным путям на запад. По утрам в старших классах школы я просыпался пораньше и отправлялся на пробежку. И по большей части бегал по шпалам. Зная, что надо развивать скорость, я заставлял себя наступать на каждую шпалу. Быстро. Поднимая колени, делал короткие, быстрые шаги, приземляясь только на носки. Потом, чтобы удлинить шаг и поработать над силой и выносливостью, обрести своего рода второе дыхание, я перепрыгивал через одну. И, наконец, стремясь нарастить икроножные мышцы, перепрыгивал через две. Эта повторяющаяся монотонная попытка укрепила мышцы живота, рук, шеи и спины. Я бегал так по несколько миль зараз, поэтому знал эти шпалы как свои пять пальцев.

Я взобрался на насыпь, меня встретил запах креозота и отработанного дизельного топлива. Поначалу шел медленно, ступая со шпалы на шпалу, нащупывая дорогу, но потом я побежал. Мышцы ног и туловища, приученные подчиняться в условиях стресса и постоянного напряжения, вспомнили, каково это – ощущать свободу, силу и радость, и возродились к жизни.

Я бежал изо всех сил, однако не выходя за пределы своих возможностей. Тело мое проснулось, легкие развернулись, и воспоминание о беге без заборов вернулось. Голодавшее так долго тело упивалось воздухом и простором, не рассеченным колючей проволокой. Пот тек по мне ручьями, и мили наматывались одна за другой. Через час полная луна высоко поднялась в небе, отбрасывая тень на Ведро и фонарные столбы стадиона, которые поднимались вверх от сосен, растущих по обе стороны железной дороги. Темные, потухшие, безмолвные часовые, они стояли на страже вокруг тихого поля, ожидая, что кто-нибудь щелкнет выключателем, и они ярко вспыхнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.